

Людмила Милевская

Почем фунт лиха

ПРОФИЧЕСКИЙ ДЕТЕКТИВ

ЭКСМО

Людмила Ивановна Милевская
Почем фунт лиха
Серия «Соня Мархалева
— детектив-оптимистка»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=121808

Почем фунт лиха:
ISBN 5-04-004188-8

Аннотация

Богатство не всегда бывает благом, оно может обернуться и бедой. Именно это и случилось с писательницей Соней Мархалевой, получившей большое наследство. Ее пытались похитить, бросить под поезд метро, отравить любимым ореховым ликером. Устав бояться, Соня отбросила страх и решила во что бы то ни стало найти неуловимого убийцу. Вывод, к которому она пришла, ужаснул ее. Соня уверена – она знает, кто стоит за этими покушениями!..

Содержание

Вместо пролога	5
Глава 1	6
Глава 2	22
Глава 3	45
Глава 4	57
Глава 5	71
Глава 6	87
Глава 7	95
Конец ознакомительного фрагмента.	108

Людмила Милевская

Почем фунт лиха

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Вместо пролога

История эта невероятна, страшна и отвратительна, но все же я расскажу ее, расскажу, как умею, не сгущая краски на грустном и оставляя смешное. Мне, простой русской женщине, предстоит еще жить в моей стране, а потому смеяться там, где обычно плачут, – единственный выход из любых положений.

Глава 1

– «Смерть бродит близко, совсем близко. Вот-вот она зловеще постучит в наши двери, войдет в наши дома», – громко прочитала я и вопросительно взглянула на Артура: мол, ну как тебе цитатка.

Артур с видом человека, способного оценить любую умную мысль, энергично закивал головой.

– Именно, – сказал он. – Пока обыватели надеются на то, что некая черная сила благополучно перестреляет всех бизнесменов, ворюг и политиканов, сила эта вполне может заинтересоваться самими обывателями. А если даже и не черная сила, так сами обыватели способны уже на всякое. Без содрогания поубивают друг друга. Легкая нажива – дело соблазнительное, а жизнь человека теперь ломаного гроша не стоит. Таковы нравы нашего времени, – философски заключил он, почесывая под мышкой.

Я не совсем поняла, к какой группе населения относит себя Артур, но явно не к обывательской. К более солидным людям – бизнесменам, приватизаторам и политикам – отнести его можно лишь на носилках. К культурным слоям тоже. Интеллигенция капитулировала. Да и в той среде он был бы чужой. И вообще: какими-то несовременными категориями я мыслю.

В общем, я причислила Артура к среднему классу, эмоци-

онально одобрила его комментарий и с удовольствием продолжила:

– «Мы живем под знаком смерти. Наш век прошел под знаком смерти».

– Очень точно, – позевывая, подтвердил Артур. Я видела его абсолютную искренность и полное со мной согласие. Однако минутой позже он до обидного быстро переменял свое мнение. Узнав, что черпаю я столь значительные мысли из собственных записей, Артур огорчился и разочарованно протянул:

– Ну-у, дорогая, не хочу тебя расстраивать, но чушь ты несешь несусветную, да еще и с патетикой. Как только пришло тебе в голову тащить всю эту заумь на страницы своего романа?

Учитывая, что страницы моего романа были исписаны подобной «заумью» сплошь, от корки до корки, я взбеленилась и совсем уже собралась одернуть этого нахала, этого зазнайку и невежу. Мне было что ему сказать, но меня остановил телефонный звонок. Звонила добрая соседка.

– Чего она хотела? – лениво поинтересовался Артур, после того как я повесила трубку.

– Чтобы ты полил цветник и набрал в ванну вода, – сердито ответила я.

– То есть? – не понял Артур.

– А то и есть, что через час отключат воду на три дня, а полы в библиотеке не мыты, на кухне гора посуды, сад не

полит, дожда не предвидится.

– Гора посуды стоит неделю, а воду отключат всего на три дня...

Я вскипела, потому что вовсе не собиралась прощать ему высказываний насчет романа.

– Отправляйся в сад, если не хочешь мыть посуду и полы, – прикрикнула я, и Артур покорно отправился поливать цветы.

Как настоящий мужчина, он всегда выбирал самую легкую и приятную работу.

Я же, подхватив ведро, резво помчалась в библиотеку. Подоткнув подол, засновала по комнате, размышляя со шваброй в руках.

«Разве это справедливо, – думала я, пытаюсь просушить мокрую тряпку между тумбочкой и колонной, – любой вздор, прочитанный в газете, приобретает значимость и смысл, в то время как из уст человека близкого сама истина звучит как глупость и ерунда...»

Должна сказать, что в библиотеке, комнате необъятных размеров, жутко скрипучие полы. Я этого хотела, и я же сто раз пожалела о содеянной глупости. Нет, ну как прав был половых дел мастер, когда упирался и не хотел делать брак. Теперь эти полы скрипят так, что все добрые соседи знают, дома я или нет.

Так вот, мою полы и вдруг слышу скрип у себя за спиной.

– Артур, ты почему бросил сад? – строго говорю я, выжи-

мая тряпку и набрасывая ее на швабру, но ответа не слышу.

Поворачиваюсь... и обнаруживаю, что в комнате, кроме меня, нет никого.

«Полы скрипели только по направлению ко мне, обратно они не скрипели», – подумала я, испытывая легкий озноб и некоторое шевеление волос.

На несколько секунд я замерла, прислушиваясь и не решаясь сдвинуться с места. Из сада доносился жизнерадостный вой Артура.

– «А я бамбук, пустой бамбук, я московский простой бамбук», – сообщал он моим добрым соседям.

Как же надо орать, чтобы я услышала о том, какой он пустой, даже в библиотеке! И кто внушил бедняге, что он имеет право петь?

Однако тошнотворный голос Артура придал мне уверенности, и я решила вернуться к своему занятию, но очень скоро вновь услышала скрип. На этот раз скрип удалялся. Я замерла, прислушиваясь к бешено колотящемуся сердцу. Ужас схватил меня и не отпускал. Однако каким жалким и несущественным оказался этот испуг в сравнении с дальнейшими переживаниями...

Но тогда я ни о чем не подозревала, хотя меня не покидало плохое предчувствие. Во власти страха я хоть и бессмысленно, но все же водила тряпкой по полу, дивясь собственному упрямству. В общем, кое-как прибрав в библиотеке, я выбежала в сад, бросилась на шею Артуру и тут же подели-

лась впечатлениями.

– Ты форточку открывала? – поинтересовался он, довольно грубо отстраняясь от меня и ни на секунду не прекращая поливать камни и бетонную дорожку вместо голландской розы сорта «Бигуль».

– Всегда так делаю, когда поднимаюсь в библиотеку, – ответила я, скрывая обиду на такое равнодушие к чужой беде. – И лей, пожалуйста, на розу, а не на камни. Они-то уж точно не завянут.

– Тогда понятно, откуда скрип, – продолжая поливать камни, с важным видом произнес Артур.

– От ветра?

– Да. Солнце прокалило крышу, крыша прокалила комнату, а свежий ветерок понизил температуру – и полы заскрипели.

– Солнце прокалило твою не очень умную крышу, – зло сказала я и впервые подумала, что Артура пора бросать.

Не так уж он хорош, как я думала раньше, вот и розу мою поливает кое-как, и разглагольствует не о том, и глуп, как все мужчины.

– Пойду погляжу на цветы перед домом, а ты не забудь про гору посуды, – буркнула я и отправилась на улицу.

– Об этом знает любой грамотный человек, – крикнул мне вслед Артур. – Ты физику учила?

– Учила, ну и что? – остановилась я.

– От тепла предметы расширяются, от холода сужаются,

иногда со скрипом.

«Как твои мозги», – подумала я, но промолчала. Зачем ранить человека, у него и так горе впереди.

Вот последний раз польет мои розы, помоем посуду и – гуд бай.

– А гора посуды пролетает, через пять минут отключат воду, – радостно сообщил Артур.

«Он что, мысли мои читает? Однако нахал, боже, какой нахал! Бросать, бросать, причем срочно», – укрепились я в своих мыслях и понеслась с ведром на улицу.

Я поправила оградку палисадника, подвязала искалеченный кем-то (вот мерзавец!) кустик молочая – мою гордость! – и щедро полила его. Вернулась в дом за вторым ведром, удостоверилась, что воду еще не отключили, снова отправилась на улицу. Полив цветы, пощипала сорную травку, сорвала для вазы несколько ранних ромашек и уже собралась уходить, но вдруг заметила посередине палисадника мусор – смятую пачку из-под сигарет. Обругав в душе невоспитанных прохожих, я, стараясь не помять растений, полезла за мусором.

В это время в конце нашей пустынной улицы показался громадный черный автомобиль. Понимая, что будет не очень красиво, если я, открыв рот, уставлюсь на незнакомую машину, я присела на корточки, сделав вид, что продолжаю ковыряться в палисаднике. Сама же напряженно следила за машиной. Краем глаза я увидела, что это «Мерседес». Он ехал

медленно, словно не зная куда...

Представляете, яркий полдень, палящее солнце, ни ветерка – такая редкость для северного лета, а улица пустынная, ни души: будто все вымерли и только я на корточках в палисаднике и медленно ползущий черный «Мерседес».

Короче, я почувствовала странное волнение, похожее на страх. Почему-то вспомнился скрип полов, и я вдруг ясно осознала, что автомобиль сейчас затормозит рядом с моим домом.

Так и произошло. Поравнявшись со мной, «Мерседес» притормозил и некоторое время стоял, еле слышно пофыркивая мотором. Несмотря на жару, я заоченела, все больше пропитываясь страхом.

Не скажу, что на одной из самых престижных улиц северного курортного городка Сестрорецка «Мерседес» такая уж редкость, но «Мерседесы» моих добрых соседей я знаю все и по цвету, и по номерам, а этот мало того, что незнаком и ползет, как здесь совсем не принято, так теперь и вовсе остановился. И почему именно у моего дома? У меня нет знакомых на черных «Мерседесах». На красных – есть, на белых и даже на зеленых тоже есть, а на черных – ни единого.

Когда мой ужас достиг опасного предела, дверца автомобиля открылась, и молодой человек приятной наружности не спеша направился прямо ко мне.

Я машинально схватила брошенную сигаретную пачку, смяла ее в руке, выпрямилась и вопросительно посмотрела

на незнакомца.

– Простите, вы не подскажете, где здесь живет Сергей? – вежливо спросил он, останавливаясь вплотную и как-то подозрительно блуждая взглядом, словно примеряясь, как ловчее ухватить меня за руку.

Внутренний голос, а я ему всегда доверяю, подсказал, что лучше не обнаруживать страх, а демонстрировать беспечную доброжелательность, обычно сбивающую с толку всех негодаев. Скрывая дрожь в коленях, я расплылась в блаженной улыбке и, делая шаг назад, сказала:

– К сожалению, не знаю никакого Сергея.

– Но, может, он живет чуть дальше? – поинтересовался юноша, словно ненароком пытаюсь сократить дистанцию.

Тем временем стекло «Мерседеса» опустилось и смазливая девичья мордашка уставилась на меня с хищным интересом. Она явно чего-то ждала, причем ждала напряженно. Тут уж мне сделалось совсем дурно. Я поняла, что нахожусь в двух шагах от крупных неприятностей, и не своим голосом закричала:

– Ар-тууур! Ар-тууур!

Молодой человек вздрогнул, скользнул цепким взглядом по моим рукам, по слегка приоткрытой калитке и решительно шагнул ко мне прямо через цветник. Я успела отскочить от него, ломая настурции и петунии и не прекращая вопить: «Артур! Артур!»

Не знаю, чем закончилась бы эта история, не показись

в калитке мой Артур. Его рост, широкая волосатая грудь, буграми мышц выпирающая из-под расстегнутой рубашки, молотоподобные кулаки... В общем, все эти атрибуты мужественности никак не предполагали исключительной трусости Артура, о которой я хорошо знала. Зато незнакомец застыл на месте. В глазах его появилась мысль.

Артур с интересом скользнул взглядом по мордашке, выглядывающей из опущенного окна «Мерседеса», потом равнодушно уставился на меня и сказал:

– Ну?

Минуту назад я и представить себе не могла, что его идиотская рожа принесет мне столько радости. «Может, не стоит его бросать», – с теплом в сердце подумала я, улыбнулась и нежно спросила:

– Дорогой, ты не знаешь, живет ли здесь поблизости Сергей?

– Где это здесь? – уточнил Артур.

– Ну где-нибудь, – не убирая улыбки с лица сказала я и неопределенно махнула рукой.

– Где-нибудь в Сестрорецке точно живет. А как его фамилия?

– Как его фамилия? – переадресовала я вопрос незнакомцу, делая несколько бодрых шагов по направлению к калитке.

– Не знаю, – растерянно пожал плечами тот, после чего Артур... скрылся, хлопнув калиткой.

«Нет, гнать, гнать этого предателя», – зло подумала я, прикидывая, успею ли добежать до дома, если внезапно сорвусь с места. Расстояние от меня до незнакомца было гораздо меньше желаемого, а он бесспорно собирался его сократить.

– Взгляните вон на ту белую виллу, – показала я на другой конец улицы.

Молодой человек непроизвольно оглянулся, чем я тут же и воспользовалась, со всех ног бросившись к своему дому.

– Возможно, там живет ваш Сергей, – крикнула я, закрывая калитку и два раза поворачивая в замке ключ.

В щель почтового ящика я увидела, как девица презрительно покрутила пальцем у своего виска, а незнакомец поспешно вернулся в «Мерседес» и, резко сорвав его с места, умчался.

Я, с трудом переводя дыхание, привалилась спиной к калитке. Сердце затравленно рвалось из груди, в голове гудел странный сквозняк, уносящий все присущие мне умные мысли. Наконец я взяла себя в руки и отправилась в дом.

Артур вытащил на середину столовой кресло, вытянув ноги, развалился в нем и с удовольствием созерцал себя в зеркалах. Моя зеркальная столовая словно специально создана для таких вот самовлюбленных идиотов.

Скользнув взглядом по горе немытой посуды, я тяжело опустилась на диван и трагическим голосом произнесла:

– Меня хотели похитить.

Артур и ухом не повел. Изучая собственный медальный профиль, он производил впечатление человека, занятого невероятно важным делом.

– Меня только что хотели похитить, – уже с раздражением повторила я.

Как большинство мужчин, Артур на раздражение реагировал живее, чем на трагические интонации.

– Тебя? – удивился он. – Похитить?

– Именно!

– Кто же?

– Тот парень и его девица.

Артур, по-прежнему не отводя взгляда от зеркала, подвигал бровями, округлил глаза и, оставшись довольным собой, наконец посмотрел на меня.

– И что бы они с тобой делали? – спросил он. Признаться, за все это время я ни разу не задалась таким вопросом. И в самом деле, что они собирались со мной делать? Я умирала от страха, я боялась, но чего? Господи, да мало ли чего!

– Меня могли изнасиловать и убить, – предположила я и сама же усомнилась в своем варианте:

– Ох, присутствие девицы в автомобиле лишает эту версию правдоподобности.

– Вот именно, – подтвердил Артур.

– А может, они хотели затащить меня в дом, убить и ограбить?

– И поэтому остановились посередине улицы, чтобы лю-

бой из своего окна мог видеть, как они тебя потащат. В каждом доме – телефон, и ментовка близко.

– Да, как-то странно... Слушай, а может, они просто собирались меня похитить? – с последней надеждой спросила я.

– Зачем? Чтобы покатать по городу?

– Ну... для выкупа.

– А кто за тебя его даст? – причесывая растопыренными пальцами вихор, злорадно поинтересовался Артур.

Это уже жестоко.

Артур продолжал любоваться собой, а я сиротливо сидела на диване и страдала. Он прав. Я никому не нужна. То есть не нужна настолько, чтобы платить за меня выкуп. Такая мысль показалась мне ну просто нестерпимо мучительной.

– А вдруг они хотели похитить меня, чтобы пытать, – решила я повернуть беседу в более приятное русло. – Может, им нужна какая-то информация?

– А что ты знаешь? – крайне изумился Артур. Он даже бросил любоваться своей персоной и озадаченно уставился на меня.

– Хм... я знаю много чего, – не без гордости сообщила я.

– В общем, да, – согласился он, – но так охотно делишься знаниями, что лишь пытки могут заставить тебя молчать.

Я вздохнула. Положив руку на сердце, признаюсь: прав он и здесь. Сохранить какой-либо секрет я могу лишь под страхом пыток. Особенно, если он не мой.

– И почему именно похитить? С чего ты взяла? – продол-

жал развивать мою мысль Артур. – Вполне приятные молодые люди...

– Особенно девица, – ехидно вставила я.

– Да, девица недурна, – согласился он.

– Еще бы. Я думала, ты дырку протрешь на ней своими бесстыжими глазами.

– Еще чего, это она уставилась на меня, а я так, бросил взгляд – и все, – сразу же начал возражать Артур.

Он чувствовал себя венцом творения, а девица была хоть и смазлива, но рядом с ним ни то ни се. Второй сорт. Подразумевалось, что я должна это понимать сама.

– Она вообще-то смотрела только на меня, – из вредности вставила я.

Артур презрительно усмехнулся. Его не проняло.

– Речь не о том, – жалея меня всей душой, сказал он, – эта парочка интересовалась Сергеем. Причем здесь ты?

Я чуть не задохнулась от негодования.

– Как причем? Как причем? Разве ты не заметил, где он стоял? Артур оторопел.

– Где?

– Как ты наблюдателен! Он стоял едва ли не в центре палисадника. Станет нормальный человек топтать цветы прямо на глазах их владельца?

– Не станет, но это еще не значит, что он похититель: нормальный хам. А почему он там стоял?

– Потому что всеми доступными средствами старался со-

кратить дистанцию, а поскольку я полола сорняк, ему пришлось... А-ааа!

Осененная мыслью, я закричала так громко, что Артур (он очень пуглив) едва не вывалился из кресла. Он загнанно забегал глазами, и на какое-то мгновение мне даже стало его жалко.

– Что? Что случилось? – залепетал он.

– Я не запомнила номер машины. Так струхнула, что упустила самое главное. Артур облегченно вздохнул.

– О, майн гот, ты невозможный человек. Зачем нам номер этой машины? Надеюсь, ты не помчишься со своими глупостями в милицию.

– Именно это я и собираюсь сделать. Чует мое сердце, на этом парочка не остановится. Артур начал выходить из себя.

– Подумай сама! – закричал он. – Если даже мне твои домыслы кажутся смешными, то как посмотрят на них доблестные работники милиции?

– Как?

– В лучшем случае предложат обратиться к психиатру, а в худшем сами окажут в этом содействие. А зная твою неугомонность, легко можно предположить, что дело кончится смирительной рубашкой.

Такого снести я уже на могла. Подумать только, за несколько секунд столько оскорблений. Как это возможно, чтобы любимый мужчина (к тому времени я напрочь забыла, что собиралась его бросать), которому я доверилась безгра-

нично, человек самый близкий и родной, был так равнодушен к моей жизни, да еще и предполагал, что я дура, идиотка и душевнобольная, причем беспросветная.

«Нет, этого прощать нельзя», – подумала я и, схватив со стола кастрюлю с объедками, решительно запустила ее в красивую голову Артура.

Он, подлец, благополучно увернулся, лишь макароны буквально повисли на ушах да картофельные очистки в волосах запутались.

– Ну, что я говорил, – обрадовался Артур. – Вот и иллюстрация. Тебе и в самом деле надо показаться психиатру. Помимо мании преследования, у тебя истерия, психопатия и неадекватные реакции.

– Ты ничего не понимаешь, – едва не рыдала я, – у меня стресс. Сначала этот скрип полов, потом «Мерседес». Я была в трех шагах от гибели, а ты, словно предатель, выглянул и скрылся. А я тебя звала как защитника. Мог бы догадаться, что нельзя оставлять меня с этими подозрительными людьми.

– Люди как люди. Мне они подозрительными не показались, – как-то вяло отбивался Артур.

Удар кастрюлей, как это ни странно, мгновенно лишил его сил.

– Ты должен был догадаться, – упрямо утверждала я, всем своим видом взывая к сочувствию. Но Артура ничем, кажется, не прошибешь.

– Идиотка, как я мог догадаться? – сердито заорал он, явно не собираясь прощать мне очистки, макароны и вновь накапливая агрессию.

– Как? Да по отчаянию в моем голосе.

– Со своим отчаянием ты не расстанешься ни на минуту. И вообще, с меня хватит, – сказал он, смахивая, наконец, очистки с головы. – Оставайся здесь со своими подозрениями, розами и горой посуды, а я удаляюсь. Лучше поздно, чем никогда. Я пришла в ужас.

– Не хочешь ли ты сказать, что бросаешь любимую женщину в тот самый момент, когда над ней нависла угроза смерти?

– Именно это я и хочу сказать, – подтвердил Артур. – В другой момент такое вряд ли возможно.

– Мер-за-вещ! Как это по-мужски! Ну что ж, иди, держать не буду.

Гордо подняв голову, я вышла из столовой. Была бы поумнее, проводила бы этого негодяя до самой калитки, контролировав, не прихватил ли он с собой чего лишнего. Но когда дело касается чести, я напрочь лишаюсь разума.

Глава 2

Оставшись одна, я первым делом обрадовалась тому, что абсолютно свободна от необходимости угождать, терпеть, выслушивать и потакать.

«Все же мужчина нужен женщине лишь для того, чтобы понять, как хорошо без него, – думала я, беспечно развалившись на диване в гостиной, задрав ноги выше головы и внимательно исследуя пятки. – Вот они, издержки любви, даже про педикюр на целый месяц забыла. Ногти, как у доярки, а ступни... Ужас, до чего доводит любовь. А кто это оценил? Однако что это я тут грущу? Одна, без музыки».

Я нажала на клавишу магнитофона, и комнату заполнила веселенькая песенка.

«Наша встреча случайна, не случаен финал...»

Тут же вспомнила свою лучшую подругу Нелли. Ее встреча с очередным поклонником тоже была случайна, но совсем не случаен фингал, который, думаю, и до сих пор украшает ее привлекательное лицо.

Хорошо, хоть меня миновала чаша сия, а ведь запросто могла и на фингал раскрутиться. Впрочем, я всегда знаю, на что иду. Артур так патологически труслив, что вряд ли способен ударить даже женщину. Он не зря с утра до вечера изнемогает за тренажерами. Гора мышц ему просто необходима для устрашения, как хамелеону способность менять

окраску. Фу, опять я о противном. Я же только что думала о чем-то приятном. Ах да, фингал Нелли. Надо позвонить моей любимой подруге.

И, весело напевая «наша встреча случайна, не случаен фингал», я набрала Москву, но Москва молчала.

«Ну и черт с ней, с этой Нелли», – подумала я и направилась в ванную с твердым намерением сделать наконец-таки педикюр, но и здесь меня поджидала неприятность. Я совсем забыла, что в доме теперь нет не только любви и мужчины, здесь нет еще и воды, что особенно неприятно.

Удрученная, я двинулась в сад посмотреть, далеко ли от гибели моя роза, кое-как политая презренным Артуром.

Я долго сидела в саду и смотрела на повисшее над горизонтом солнце, точно зная, что, когда оно совсем покинет небосклон, сумерки лягут на город до самого утра, так и не дождавшегося ночи.

Уже не радуясь северным белым ночам – без любви они раздражительны и бесполезны, – я затосковала и отправилась в зеркальную столовую. Там я сразу вспомнила Артура, мою первую встречу с ним (она тоже была случайна), его взгляд, прожегший меня насквозь, его ласковый шепот во время танца (мы познакомились на вечеринке), потом его любовные записочки, его страстные признания и требования, чтобы я ушла от Павла, его предшественника, прекрасного, умного, тонкого и интеллигентного Павла, с которым я и приехала в Петербург.

Все это заставило меня расчувствоваться. Как счастлива, оказывается, я была когда-то, совсем недавно. Ах, Артур... О, как все прекрасно начиналось...

К сожалению, конец не заставил себя ждать. Любовь налетела вихрем, сокрушительным ураганом прошла по моей душе... И все. И ничего. И пустота. Я, выжатая, как лимон, почти сорокалетняя женщина. Правда, Артур, бедняга, до сих пор думает, что мне двадцать пять. Надо посмотреть на себя в зеркало.

Я глянула и... «Ох!»

Консультация с зеркалом не устроила меня и даже разочаровала.

«Господи, с такой физиономией – и одна!»

Желанная свобода сразу же показалась чрезмерной. Я уронила голову на колени и разрыдалась.

Я плакала над несовершенством мира и человеческим несовершенством. Почему, ну почему нельзя любить одного и того же человека вечно? Почему он сам не дает любить себя? Почему мы все клятвопреступники? Чего нам, глупым, надо? Каких таких новых ощущений? Какая сила гонит нас от постоянства?

Вволю наплакавшись и не найдя ответа на все свои «почему», я крепко задумалась. Так ли уж счастлива я была с Артуром? В конце концов я пришла к заключению, что Артур не что иное, как плод моего воображения.

«Жалко, конечно, что все прошло, – не без горечи поды-

тожила я, – но любовь эта была обречена на скорую гибель. Слишком бурно, слишком ярко и необузданно».

Звонок Нелли застал меня за этими неутешительными размышлениями.

– Дорогая, как вовремя, – обрадовалась я, услышав нежное воркование любимой подруги.

– Как ты там? Скоро ли вернешься? Какая у вас погода? – сыпала вопросами Нелли, не оставляя места для ответов.

– Меня хотели похитить, – с трудом дождавшись паузы, сообщила я.

Нелли на том конце провода задохнулась, а я, воспользовавшись мертвым молчанием, на одном дыхании выпалила:

– Какая-то подозрительная машина подъехала к моему дому среди бела дня с целью похищения. Лишь случайность уберегла меня от неминуемой гибели.

– А как же Артур? – перебила меня Нелли.

– С ним все кончено. Выгнала навсегда. На это сообщение Нелли отреагировала гораздо живее, чем на предыдущее.

– Как? – завопила она. – Так быстро? И тебе это удалось?

– Ну ты же знаешь мои способности, – скромно ответствовала я.

– Бьюсь об заклад – ты собиралась за него замуж. Признаться, я угадала?

– Как всегда, нет. Ты же в курсе: когда количество браков достигло критической отметки, я перестала регистрировать свои увлечения.

– Но это не увлечение, а бурный роман.

– С чего ты взяла? – изумилась я такой проницательности.

– Иначе ты не выгнала бы его так быстро. Мне вдруг стало горько. Да что же это такое? Моя жизнь подверглась страшной опасности, а лучшая подруга так равнодушна к этому исключительному событию. Я с большой обидой высказалась по этому поводу.

Нелли мгновенно начала охать и ахать, задавать один вопрос за другим и даже внимательно слушать ответы. Мне только этого и надо было. Я подробно рассказала о своих предчувствиях, начала со скрипа полов и закончила картиной, увиденной в щель почтового ящика после того, как закрыла калитку перед носом похитителя.

– Да-а, – задумчиво протянула Нелли, – ума не приложу, кому ты могла понадобиться.

– Вот и мне ничего толкового в голову не приходит – мысли скачут, как блохи по Жучке.

– Послушай, а что бы они стали делать, не окажись ты на улице?

– Мысли?

– Да нет, похитители.

– Похитители постучались бы в дом, под весомым предлогом выманили бы меня на улицу и запихали в машину, – ни секунды не задумываясь, выпалила я.

– Да-а. Это кошмарно. Сейчас же возвращайся в Москву. Ой, не представляешь, как соскучились мы с Санькой.

Я только вздохнула.

– Очень хорошо представляю, сама соскучилась, но дела в Сестрорецке на мертвой точке. С домом еще не разобралась. Не могу же я уехать, не сдав его на лето. Это расточительно.

– А все твоя любовь, – тут же напустилась на меня Нелли. – За то время, что ты там прохлаждаешься, можно было сто раз дом сдать. Ой! – вскрикнула она. – А как же ты теперь без Артура? Одна?

– Ну да, одна.

– И тебе не страшно?

Лучше бы она этого не говорила. Я мгновенно поняла, что страшно. Очень страшно.

– Одна в громадном трехэтажном доме, – подливала масла в огонь Нелли. – Не представляю, как это возможно. Не помню, там есть решетки?

– Только с улицы, – упавшим голосом ответила я.

– А к соседям ночевать ты не можешь пойти?

– Да нет, я незнакома ни с кем так близко, чтобы запросто попроситься на ночлег.

– Тогда умоляй или дядю, или Дениса срочно приехать в Сестрорецк, – посоветовала Нелли.

– Ой, какая ты умница, – обрадовалась я и, не попрощавшись, тут же бросилась звонить в Питер.

Я понимала, что Вячеслава Анатольевича, так зовут моего дядюшку, заманить в Сестрорецк будет непросто. Нина Аркадьевна, его вредная жена, приложит все силы, чтобы этого

не допустить, а вот на их сына Дениса я очень рассчитывала, но выяснилось, что напрасно.

– Денюля в командировке и вернется через три дня, – злобно сообщила Нина Аркадьевна.

Тогда я робко подняла вопрос о дядюшке. Стараясь быть настойчивой, но немногословной, я придумала вполне правдоподобную историю, совершенно далекую от правды. Уж кому-кому, а мне-то было ясно, что рисковать своим мужем Нина Аркадьевна не станет ни при каких обстоятельствах, тем более из-за меня.

– Ах, об этом не может быть и речи. Сонечка, Слава лежит в постели с очень высокой температурой, – заявила Нина Аркадьевна, вежливо выслушав все мои измышления.

Отчаявшись, я принялась делать разнообразные намеки: мол, неплохо бы поговорить с дядюшкой тет-а-тет...

– Тебе его позвать? – спросила она таким тоном, что мне сразу стало ясно – позвать его, умирающего и больного, может только жестокий, нахальный и невоспитанный человек.

– Да нет, пусть лежит. Дай ему меда и калины.

– Не волнуйся, все, что надо, я уже дала, – сердито завершила Нина Аркадьевна и повесила трубку.

Я окончательно осознала, что ночь придется провести одной в пустом огромном доме, где на трех этажах расположились пять бескрайних комнат, не считая кухни и прочих хозяйственных помещений, где в каждом углу опасность...

В общем, мой дом уже казался настоящей ловушкой, за-

падней со скрипучими полами, и моя благодарность к бабушке «слегка иссякла».

«Маловероятно, что преступники полезут в дом со второго или третьего этажа, – рассудила я, – а значит, надо стелить постель на первом. Прямо в холле. И не спать».

Так и сделала. Подтащив колонки магнитофона к окну, я устроилась на диване и стала ждать. Теперь я жалела, что белые ночи на исходе и не так белы, как хотелось бы. Зато тешила себя мыслью, что ночь коротка и преступники знают о присутствии в моем Доме мужчины. Хотя если они следили, то могут знать: та, что выглядело мужчиной, покинуло этот дом.

«Через калитку перемахнуть не проблема, – шалея от страха размышляла я, – но во двор выходят только два окна, из которых я обязательно увижу злоумышленников. Увижу-то увижу, а дальше что? Выбегу в сад... Нет, неожиданно врублю магнитофон на всю мощность, а там посмотрю. В крайнем случае, всегда можно выскочить из дома через сад и поднять на ноги всех соседей. Благо они все равно живут в напряжении, обвешавшись оружием и обложившись телохранителями».

В том, что этой ночью должно произойти преступление, никаких сомнений у меня не было, как не было их и в том, что раньше двух часов ночи злоумышленники не явятся. Поэтому я отправилась на кухню пить кофе.

«Какая умница моя покойная бабушка, – с благодарно-

стью думала я, – что позаботилась о втором выходе из дома. Настоящая женщина не сможет жить в доме с одним выходом. Именно потому, что люди презрели старые традиции, в нашей стране бардак, война и разрушаются семьи. Парадный и черный подъезды – вот где спасение. Моя бабушка была мудра. Если мне когда-нибудь придется умереть, хотелось бы сделать это так, как моя бабушка, – легко, весело и красиво...»

Телефонный звонок прервал мои приятные воспоминания. Звонила Нелли, чем невероятно растрогала меня.

«Вот она, – подумала я, – преданная и нежная женская дружба. Разве может сравниться с ней какая-то убогая мужская любовь. Артурчик после пылкой страсти спокойно бросил меня и даже не поинтересовался, чем закончился инцидент с похищением, в то время как Нелли не может заснуть и тратит деньги на переговоры».

– Ты жива еще, моя старушка? – первым делом поинтересовалась Нелли и, не дожидаясь ответа, продолжила:

– Знаешь, я тут подумала, на «стрелу» мне уже не успеть, но если ехать на автомобиле, то к шести утра доберусь до Питера, а к семи – до Сестрорецка. Правда, я немного выпила, но всегда можно найти общий язык с гаишниками. Случай-то исключительный, как-никак планируется смертоубийство.

– Дорогая, если ты ночью и не совсем трезвая сядешь за руль, то убийство точно произойдет, и мои неприятности,

уступив место твоим, отойдут на второй план, то есть удвоятся. Поняла?

– Брр! Нет! Но как же ты...

– Я заняла круговую оборону и собираюсь продержаться до утра, а завтра уеду в Питер с первой же электричкой. Так что спи спокойно.

– Но убийцы запросто вломятся в твой дом. В наше время преступники не очень-то церемонятся, – с легким заиканием настаивала на своем Нелли.

Отметив про себя, что речь ее не слишком-то связна, я поспешила успокоить подругу:

– Согласна, но в любом случае эту ночь я обречена провести в одиночестве. Да и чем ты мне можешь помочь?

– Поддержкой.

– Боюсь, в данный момент поддержка больше требуется тебе.

– Я опираюсь на телефонный столик, – обиделась Нелли.

– Держись за него крепче, – посоветовала я.

– Если убийцы полезут в окно, окати их кипятком.

– Не стану доводить дело до крайности, уж лучше покину дом, – пообещала я, чем крайне удивила Нелли.

– Как?

– Через сад. Ты забыла, что есть второй выход?

– Правда? – изумилась Нелли. – И кто это придумал?

– Моя бабушка, ведь дом строила она, – решила пояснить я. – Она, как женщина предусмотрительная, предвиде-

ла в жизни такие ситуации, когда человек, в этот дом входящий, может расстроиться, встретившись с выходящим. Всегда лучше кого-то впустить в одну дверь, а кого-то выпустить в другую.

– Да, очень удобно, – согласилась Нелли и громко захохотала. – И как это я забыла. Не на эту ли дверь заказали мы отделку из дуба?

– Приятно, что вспомнила, – порадовалась я, так как именно по совету Нелли я собиралась обшить металлическую дверь в сад мореным дубом.

Представляю, как она пьяна, если задает подобные вопросы.

– Знаешь, если водка не помогла, прими снотворное и ложись спать, – порекомендовала я, – а утром созвонимся.

Нелли, надеюсь, последовала моим рекомендациям, а я отправилась в холл и заняла свой наблюдательный пост у окна.

Должна признаться, что часами смотреть на собственный двор – занятие нудное. Попеняв себе за то, что поленилась перекрасить ворота и что не выложила плитам дорожку, я, в общем, осталась двором довольна и заскучала.

Несмотря на крепкий кофе, рот мой не смыкался от зевания. Я так боялась заснуть, что время от времени вскакивала с дивана и пускалась в пляс, но плясать без музыки скучно, а включив магнитофон, трудно контролировать, что происходит на улице. Полнейшая безысходность. К двум часам ночи

я готова была выть собакой, утопиться в реке Сестре и даже вернуть Артура... Преступники все не шли и не шли. Почему медлят?

Должна сказать, что ночью дом мой, чего я не замечала раньше, наполняется всевозможными звуками. Там постукивает, там поскрипывает, а то и вовсе – довольно жутко постанывает. Это несколько развлекало меня, поскольку надо же было давать трезвые объяснения всем этим звукам. Чтобы не пугать себя и не приплетать к разгадке потусторонние силы, я старалась всюю, вспоминая и физику, и другие науки, а чаще русский язык, особенно его нелитературную форму в самых нецензурных вариантах.

В половине третьего раздались слабые завывания со второго этажа. Сдерживая сердцебиение, я медленно поднялась по лестнице, уговаривая себя, что это ветер колышет занавески в спальне. Не слишком убедительно, я знаю, но ничего более умного в голову не пришло.

Остановившись на площадке между спальней и гостиной, я с ужасом осознала: звук трансформируется в некое звенящее гудение и поднимается на третий этаж в библиотеку. После нескольких секунд сомнений я взяла себя в руки и устремилась вверх. Включив свет, обнаружила громадного комара, лихо планирующего над потолком. С облегчением вздохнула и все силы бросила на поимку насекомого. Со сладострастной ненавистью я прихлопнула его и собралась уже возвращаться на пост в холле, как вдруг вновь раздался

громкий скрип у меня за спиной. Я похолодела, но на ногах удержалась, невероятным усилием воли заставила свою шею повернуться...

Комната была пуста, но скрип теперь раздался из противоположного угла. Я выключила свет и сломя голову бросилась вниз, пугаясь и холодящего душу завывания, и своего тяжелого топота, и всего на свете.

На площадке второго этажа я опять услышала непонятный звук, теперь уже доносящийся снизу, но решила, что хватит бегать: можно утомиться еще до того, как сойдешь с ума. Спустившись в холл, я села на диван и уставилась во двор.

Звук усилился и приобрел некоторую ритмичность. Доносился он со стороны сада. Я не выдержала и снова отправилась на разведку.

Покинув холл, пересекла столовую и вышла в узкий, но длинный коридор, граничащий с гаражом и ведущий прямо в сад.

Ну и слух у меня! Звук раздавался именно отсюда. Но каков источник! Металлическая дверь, закрывающаяся только изнутри, подрагивала, а мощный арматурный прут, играющий роль шпингалета, медленно выдвигался из своего гнезда.

«Если на почве нервного стресса у меня не только слуховые галлюцинации, но и зрительные, то сейчас вполне могут появиться привидения», – подумала я, не отрывая от шпин-

галета глаз.

Когда стало очевидно, что через несколько секунд он полностью выползет из гнезда и дверь в сад откроется, я потянула ручку на себя и до отказа задвинула шпингалет обратно в гнездо, заклинив его первым попавшимся под руку деревянным брусом, каких здесь было видимо-невидимо. Дверь по-прежнему вибрировала, но брус, намертво зажатый между стеной и шпингалетом, гарантировал неподвижность последнего.

Вибрации доставало, чтобы повредить созданную мною конструкцию, и, воспользовавшись этим, я отправилась на кухню, окна которой выходят в сад. Охваченная приступом любопытства, я взгромоздилась на табуретку, распахнула форточку и сунула в нее свою бестолковую голову, стараясь разглядеть вибрирующую дверь со стороны сада.

Открывшееся было так неожиданно, что я едва не сверзилась на пол. Под дверью стоял тот самый подозрительный незнакомец из черного «Мерседеса». Доставало лишь его наглющей девицы.

Первым моим порывом было вежливо поприветствовать его. Но, присмотревшись, я обнаружила, что незнакомец совершает странные пасы каким-то предметом. Я пулей понеслась к своему шпингалету, присела на корточки и уставилась на него во все глаза.

А-а! Мерзавец просверлил в моей двери дырку, вставил туда нечто, похожее на щипчики или пинцет, обхватил этими

щипцами шпингалет и пытается таким образом выдвинуть его из гнезда. Неудивительно, что дверь при этом трясется.

«Не проще ли вырезать на кухне стекло и таким образом проникнуть в дом», – подумала я и тут же осудила себя:

– Ну да, пойдی посоветуй злоумышленнику, если он сам не догадался, тем более что совет глупый. Какой смысл вырезать стекло, если оконные переплеты такие частые, что в них и голова не пролезет. А распилить их беззвучно – утопия. Хотя... умудрился же он продырявить дверь...

Заклучив, что не мне учить злодея, я задумалась о своей судьбе. Стремление покинуть дом уже созрело, но я еще не очень ясно представляла себе, как его осуществить. Через сад, как собиралась раньше, – невозможно. А через двор – опасно. Как знать, не поджидает ли меня у ворот еще один злоумышленник.

И тут я вспомнила о своих добрых соседях. Ситуация приобрела ту исключительность, когда им не должна показаться невежливой просьба о помощи, звучащая в три часа ночи.

«Позвоню соседу справа, тому, окна которого выходят в мой сад», – подумала я и схватила телефонную трубку.

То, что обнаружилось, лишило меня последних сил. Телефон молчал, причем абсолютно. Холодное безжизненное молчание.

Со стороны сада ломится вор, с улицы наверняка подстерегает другой, телефон отрезан, а я одна в пустом доме, и в голове ни одной свежей мысли. Безобразие.

Можно спрятаться в подвале, но если преступник так точно знает место расположения шпингалета на двери, что безошибочно угадал, где именно просверлить дырку, то вряд ли он не осведомлен о наличии подвала. К тому же, проникнув в дом, злоумышленник не будет так уж стеснен во времени, чтобы не отыскать меня где угодно.

Решив, что прятаться бесполезно, как и покидать дом через дверь в сад, я поняла, что исчерпала все варианты, абсолютно отчаялась, простилась с жизнью, на всякий случай и с честью, после чего воспряла духом, включила свет во всем доме, на полную громкость врубила музыку и отправилась на переговоры со взломщиком, который все еще не терял надежды воссоединиться со мной.

– Добрый вечер, – вполне внятно произнесла я, высунув голову в форточку так, чтобы иметь возможность легко и мгновенно вернуть ее обратно на кухню. – Не могли бы вы оставить мою дверь в покое?

Взломщик и ухом не повел. Даже не вздрогнул при моем появлении, спокойно продолжая заниматься своим делом.

– Конечно, понимаю, – продолжила я, – забота обо мне не входит в ваши планы, но все-таки попросила бы не шуметь и не пугать милых обитателей этого дома. Дверь жутко вибрирует, а это мешает спать.

Молчание, абсолютное и презрительное, слегка сдобренное сопением усердия. Я выдержала паузу и предложила в той же подчеркнуто вежливой манере:

– Могу ли чем-нибудь помочь? На этот раз я удостоилась ответа.

– Можете, – ответил преступник, не прекращая ковырять дверь. – Отодвиньте чертов засов, буду вам очень признателен.

– Не мучайтесь, – сжалилась я, – шпингалет заклинен брусом.

– Что же вы раньше не сказали, – обрадовался взломщик и со всей дури врезал по двери ногой.

Меня вихрем вынесло из форточки. Влетев в коридор, я увидела, что брус валяется на полу, а шпингалет вот-вот выйдет из гнезда. Вернув его на место, я с обидой вспомнила свою беспечную бабушку, так мало внимания уделявшую запорам. Дверь тем временем уже не вибрировала, а тряслась.

Поражаясь наглости незнакомца (хотя не совсем верно так его называть после установившихся между нами отношений), я прикидывала, как бы понадежнее зафиксировать шпингалет. Наконец придумала. Вернув брус на место, я придавила его другим, более длинным брусом, уперев последний в пол. Для надежности даже гвоздь в пол вбила, чтобы второй брус, не дай бог, не съехал с первого.

Бодро отряхнув руки, я отправилась на кухню полюбоваться на плоды своих трудов. Привычным движением сунув голову в форточку, я тут же посоветовала разбойнику испытать прочность моей конструкции. Он пару раз ударил по двери ногой, а я тут же вернулась в коридор и радостно

сообщила, что оба бруса на месте, а потому черта с два он когда-нибудь отодвинет шпингалет. Вернувшись к форточке, я обнаружила вора в большой задумчивости.

– Чего ты хочешь? – задала я вопрос с целью вызвать его на откровенность, и для интимности переходя на «ты».

– Открой – узнаешь, – бессовестно ответил он.

– Ни за что!

– Тогда придется выломать окно.

– Тогда придется кричать, – выдвинула я встречный аргумент и завопила что есть мочи:

– Помогите, спасите, грабят, убивают и насилюют!!! Злодей, кинув опасливый взгляд на соседний дом, бросился ко мне, но... Нашими отношениями уже заинтересовались. В окне соседнего дома загорелся свет, со второго этажа выглянула всклокоченная мужская голова, и хрипловатый со сна голос, разрезая сумерки, спросил:

– Ребята, что за базар?

– Умоляю, – с удвоенной силой завопила я, – срочно зовите милицию. Этот человек хочет меня убить, ограбить и, возможно, даже изнасиловать, что особенно неприятно.

– Че? – тупо спросил сосед.

Я повторила текст, для полноты картины дополнив его соответствующими эпитетами. Сосед кивнул, мол, все понял, и обратился прямо к моему обидчику.

– Слышь, брат, – с расстановкой сказал он, – оставь, бля, девушку в покое. Вишь, бля, она тебя совсем не хочет.

Я, преисполненная благодарности, энергично закивала головой, думая: «Уж теперь-то спасена».

Но как бы не так. Недолгий триумф сменился полным поражением. Злоумышленник брезгливо сплюнул и нахально заявил:

– Слышь, брат, без обид, но шел бы ты... – здесь он сделал многозначительную паузу и продолжил:

– А здесь я сам, бля, разберусь, чисто своими силами.

– Как это разберусь! – в отчаянии завопила я. – Люди, не верьте, я вижу этого человека в первый раз. Умоляю, вызовите милицию!

Сосед впал в сомнение. Он растерянно переводил взгляд с меня на преступника и с хрустом чесал в затылке. Когда за его спиной появилась жена со словами: «Коля, иди спать, не связывайся», – я поняла, что дело швах. Тогда я схватила половник и принялась свирепо колотить им о днище кастрюли.

Шум получился вполне сокрушительный даже для самых выносливых барабанных перепонок. Перед этим я вытащила разделочный топорик и, многозначительно помахав им в воздухе на глазах у злоумышленника, положила его на стол, отчетливо давая понять, что в любой момент готова воспользоваться им как орудием убийства.

Грохот половника о кастрюлю, подкрепляемый моим невообразимым воем, и, особенно, топорик привели злоумышленника в некоторое замешательство. Он, видимо, понял, что я не скоро иссякну. Короткая летняя ночь к тому

же была на исходе, и в голубеющем небе вот-вот брызнет лучами северное солнце. А тут еще и голова соседа опять появилась в окне. В общем, обстоятельства начали складываться вполне благоприятно для меня и, следовательно, неблагоприятно для злодея.

Сосед что-то говорил, злоумышленник что-то отвечал, но определить тему их беседы я не имела возможности, поскольку старательно грохотала кастрюлей. В конце концов они о чем-то договорились, потому что преступник сиганул через забор и был таков, а сосед, выразительно покрутив у виска пальцем, сплюнул в мой сад и закрыл окно.

Я еще раз-другой лениво стукнула половником о кастрюлю, и наступила тишина. В этой тишине вдруг раздалось пение птиц и линия горизонта вспыхнула ослепительным оранжевым светом.

Я рухнула на стул, громко стуча зубами и пытаюсь понять, приснился мне этот ужас или я действительно пережила его наяву. Схватив телефонную трубку, я вновь осознала, как осложнилось мое положение – телефон молчал.

«Что ждет меня?» – подумала я, и в этот момент раздались новые настораживающие звуки, доносящиеся со двора.

Подняв над головой разделочный топорик, я на цыпочках прокралась в столовую и уже оттуда слышала скрип калитки. Но кто, кто мог открывать мою калитку в пятом часу утра?

Напряжение достигло тех крайних пределов, когда все ни-

почем. Я храбро выскочила в холл и, увидев мелькнувший в окне силуэт, притаилась за дверью. Ковыряние ключа в замке казалось вечностью, хотя длилось не больше десяти секунд. Наконец входная дверь, жалобно визгнув (надо смазать петли), распахнулась. В то же мгновение я решительно выступила вперед с занесенным над головой разделочным топориком и...

Жуткий, нечеловеческий вопль оглушил меня. Пожарная сирена – мертвое молчание в сравнении с этим ревом. Я присоединилась к нему, причем заглушила без всякого труда, поскольку мои до предела взвинченные нервы очень располагали ко всему подобному.

Бог знает, как долго мы так орали, безумными глазами глядя друг на друга и приседая от усердия. Когда же, наконец, поняли, что для паники особых причин нет, тут же замолчали и бросились обниматься.

– Боже, какое счастье, что ты жива, что ты жива, – целуя и тиская меня, приговаривала Алиса.

– Как я рада, как я рада, – без устали повторяла я, бросив топорик на пол и нервно цепляясь за ее плечи.

– Ты же могла раскроить мне череп, раскроить мне череп...

Бедняжка дрожала и слегка заикалась. Это и понятно, в злоключениях своих я уже закалилась, а ей с непривычки пришлось несладко. Открывая дверь, она предполагала застать меня спящей в постели, а никак не скачущей с топором.

ком в руках. Да и я находилась в том состоянии, когда легко перепутать и ангела с сатаной, не то что Алису с преступником. Просто чудо, что она осталась жива. А ведь она, после Нелли, вторая моя любимая подруга. Не представляю, как можно пережить такую утрату.

– Но почему ты решила нагрянуть ко мне? – не без причины поинтересовалась я.

– Это все Нелли, все Нелли. Она звонила всю ночь, но телефон не отвечал. Тогда она испугалась и разбудила Нину Аркадьевну и потребовала, чтобы та сейчас же мчалась в Сестрорецк. В Сестрорецк. Нина Аркадьевна позвонила мне, поскольку знала, что ты оставила у меня вторые ключи от дачи. От дачи. Я позвонила Нелли; Нина Аркадьевна все время ссылалась на нее. Нелли сказала, что твоя жизнь в опасности, и потребовала, чтобы я, бросив все дела, ехала в Сестрорецк. А какие могут быть дела в четыре часа ночи? В четыре ночи. Я разбудила мужа, мы прыгнули в автомобиль. И вот мы здесь, и вот мы здесь.

– Так ты с Германом? – изумилась я. – И он отправил тебя одну в тающий опасность дом? Как это по-мужски!

– Он понятия не имеет, что здесь происходит, впрочем, как и я, как и я. Нелли так путано все объяснила. Из ее рассказа можно было сделать лишь одно заключение...

– Какое же? – нетерпеливо перебила я.

– Что ты напилась и забыла выключить газ, забыла выключить газ.

– Узнаю нашу Нелли. Да это она сама напилась в драбадан и все перепутала. Так где Герман?

– Герман помчался обратно в Питер. Ему к семи в аэропорт встречать какого-то важного представителя, важного представителя, – сообщила Алиса, после чего я пришла в бешенство.

– Нет, это черт знает что такое! – завопила я. – Всю ночь сражаюсь с преступниками и даже не раз простилась с жизнью, а Герман поехал в аэропорт. Ты знаешь, я ума не приложу, как живой добраться до Питера. Вас с Германом мне сам бог послал, как же после этого можно ехать в аэропорт?

Алиса вдруг рассердилась и даже топнула ногой.

– Не кричи! – пискнула она и тут же схватилась за сердце. – Скажешь ты мне, что тут происходит? Что тут происходит?

Ее взгляд блуждал по холлу, и вообще она была необычно бледна.

– Пойдем в столовую, – предложила я.

– Да, надо срочно присесть, – согласилась Алиса, – и чего-нибудь выпить, а то в горле пересохло. В горле пересохло, – по обыкновению повторила она конец фразы.

Глава 3

Мы переместились в столовую, и, пока варился кофе, я, не упуская подробностей, поведала про скрип полов в библиотеке. Потом мы чинно сидели на диване и, подкрепляясь коньяком, гадали об источнике этого скрипа.

Удостоверившись, что Алиса успокоилась и может трезво воспринимать действительность, я приступила к главному и рассказала о событиях, предшествовавших ее появлению.

Алиса слушала меня, широко распахнув свои и без того огромные глаза, ярко-синие с длинными, загнутыми до бровей ресницами. Я невольно залюбовалась ею.

Что подделаешь, раз Алиса так красива. Все, буквально все отступает на второй план перед ее экзотической красотой. Честное слово, не видела женщины прелестней. И как ей удалось приобрести столь ослепительную яркость в этих суровых северных условиях? Наверняка, если хорошенько покопаться, среди ее предков обнаружится какой-нибудь мавр не хуже Пушкинского. Или, в крайнем случае, араб.

Глядя на ее бледнолицых родителей, остается только гадать, из каких генетических закоулков извлекли они пастельно-бронзовый загар Алисы, с которым она не расстается круглый год. Когда я увидела ее впервые, еще маленькую девочку, хрупкую бронзовую статуэтку с неожиданно синими глазами и волосами цвета спелой пшеницы, я прямо задох-

нулась от восхищения и сразу же захотела с ней дружить. Так и дружу по сей день.

Несмотря на то, что наша дружба исчисляется не годами, а десятилетиями, Алиса (к жуткой зависти Нелли) по-прежнему молода, стройна и красива. Годы не властны над ней. Ее бронзовая кожа так же юна, как и мозги. Счастливая в браке Алиса умудрилась до сорока лет сохранить инфантильную наивность. Может, именно в этом кроется секрет ее молодости?

Конечно, в этом, но еще и в безграничной глупости. Но справедливости ради надо сказать, что временами и на Алису находят секунды просветления. Тогда она говорит вполне связно, разумно и (для несведущего) выглядит вполне нормальным человеком. В основном же Алиса пребывает в том загадочном состоянии, которое в народе принято называть легким помешательством. Впрочем, очень возможно, что она его удачно симулирует и полностью вошла в образ.

В связи с этим могу сказать, что анекдот про человека, купившего дверной «глазок», не анекдот вовсе. Битый час мы с продавщицей хозяйственного магазина объясняли Алисе принцип действия этого «глазка». Бедняжка только дивилась и растерянно хлопала своими длинными ресницами, не в силах что-либо понять.

– Так в двери придется делать дырку? – всполошилась Алиса, когда мы иссякли и замолчали.

– Да, – подтвердила продавщица, вдохновляемая моими

энергичными кивками. – Иначе вы не вставите «глазок».

Алиса посмотрела на продавщицу как на пациентку психиатра и с чувством превосходства заявила:

– Но если я сделаю дырку в двери, зачем тогда нужен «глазок»?

Случай с «глазком» не самый тяжелый в биографии Алисы, зато самый типичный. Я могла бы рассказывать о подобных курьезах долго, но, во-первых; в основном все они уже известны из анекдотов про чукчей, а во-вторых, тогда это будет совсем другая книга.

Так вот, охваченная ужасом Алиса внимала, а я бойко рассказывала о перипетиях прошедшей ночи, одновременно недоумевая, как я, нервная и слабая женщина, могла так стоически пережить весь этот кошмар да еще сохранить присущий мне разум.

– Зря я отпустила Германа, – прочувствованно сказала Алиса, когда я полностью исчерпалась и замолчала. – Ему тоже было бы крайне интересно послушать твою историю. Твою историю.

От такого заявления у меня зачесались кулаки. Ну чем она отличается от того преступника, что всю ночь не давал мне спать? Хотя чего еще ждать от моей глупой Алисы. Она срысывается из теплой постели, когда светит луна, хватается за мужа, тащит его из Питера в Сестрорецк, отпускает непонятно зачем, а потом еще и жалеет несчастного, как он там в аэропорту без моих жутких историй.

У любого нормального человека возникла бы, наверное, сотня вопросов: почему, например, он сидит здесь, а не лежит в теплой постели, зачем ему все эти мои ужасы, когда и собственные ночные кошмары снятся, чего от него, нормального человека, в конце концов хотят и так далее, и тому подобное.

Алисе же все нипочем. Никакие вопросы ее не мучают. На часах пять утра, а она сидит у меня в столовой, улыбается, бодро подкрепляя себя глотками крепкого напитка, и вполне счастлива. Слов нет. Ну где еще ей разжиться мозгами, если не у меня? Должна сказать, что жадной я не была никогда.

– Дорогая, ты чудовище, – возмутилась я. – Ты хоть сообщаем, что говоришь?

– Нет, а что? – наивно изумилась Алиса.

– А то, что это жестоко – сожалеть о малочисленности аудитории в тот момент, когда лучшая подруга сообщает тебе о преступлении: покушении на ее жизнь и честь.

Частое моргание прекрасных Алисиных глаз подсказало мне: бедняжка в полном тупике.

– Каком преступлении? – с трудом переведя дыхание, спросила, наконец, она. – Каком покушении?

Ну честное слово, так у любого руки опустятся. Как еще растолковать этой дурочке, что произошло в моем доме? Боюсь, мне просто не суметь.

– Ну как же, – призвав на помощь все имеющееся терпение, вновь приступила я к объяснениям, – этой ночью у меня

сильно прибавилось седых волос, потому что я подверглась вероломному нападению...

– Так это не сюжет твоей новой книги? – невероятно изумилась Алиса. – Так это все правда? Все правда?

О господи! До чего же сильно обаяние этой дурочки. Она так невинно всплеснула своими изящными ручками, так непорочно затрепетала пушистыми ресницами, что кому угодно тут же захотелось бы рухнуть на колени, поцеловать край ее платья и с криком «Да, моя королева!» отдаться в ее власть. Кому угодно, но только не мне.

– Правда! Именно правда! – сцепив зубы, как гиена, взвыла я. – Все, что я рассказала тебе, самая настоящая правда! Стала бы Нелли будить моих родственников, чтобы те отправили тебя ко мне послушать сюжет новой книги. Подумай сама, если у тебя есть хоть какая-нибудь возможность думать.

– Да, ты права, но тогда зачем здесь я? Зачем здесь я? – наконец заинтересовалась Алиса.

– Чтобы после всего пережитого напугать меня еще больше, а потом донимать своей бестолковостью! – отрезала я и тут же пожалела об этом.

Глупость и обидчивость всегда рядом. Именно по этой причине Алиса невероятно обидчива. Стоит ей услышать правду, как слезы фонтаном начинают литься из ее восхитительных глаз. Причем плачет, мерзавка, словно поет: мелодично, ритмично и с большим вкусом. Тот, кто хоть раз увидит плачущую по его вине Алису, будет чувствовать себя

негодяем до конца своих дней. Правда, меня это не касалось никогда.

– Успокойся, дорогая, – строго приказала я. – Находясь в непосредственной близости от меня, ты подвергаешь свою жизнь серьезной опасности. Герман допустил грубейшую ошибку, оставив тебя здесь.

– И в самом деле, – воскликнула Алиса, мгновенно осушив глаза, – этот преступник вел себя слишком нагло. У тебя не сложилось впечатления, что он вообще ничего не боится? Ничего не боится.

– Ты невероятно наблюдательна. Именно такое впечатление у меня и сложилось. Теперь удивляюсь, что помешало ему затащить меня в машину прямо среди бела дня.

– Может, Артур? Может, Артур?

– Тоже мне препятствие, – презрительно фыркнула я. – В этом смысле даже ты гораздо более опасна.

– Но об этом же никто не знает, – возразила Алиса. – Хотя, знает же этот преступник точные координаты шпингалета на двери в сад...

– Именно, – подтвердила я, восхищаясь мыслительными способностями Алисы. – Раз ты сегодня в таком ударе, тогда скажи, чего этому идиоту от меня надо?

– А что ты чувствовала, когда он лез в дом? Я серьезно задумалась, добросовестно тщаь заглянуть внутрь себя. Как бы там ни было, но Алиса не только экзотически красива, она еще и психолог. Она даже диссертацию о женщинах писала.

Сейчас темы не помню, но что-то вроде «Влияние шляпки на интеллект». Поэтому мне очень хотелось ответить на вопрос Алисы. Всякое бывает, вдруг получу умный совет.

– Так что же ты чувствовала, когда преступник лез в дом? – нетерпеливо повторила она свой вопрос. Я с новым энтузиазмом заглянула внутрь себя.

– А черт его знает, – после напряженных и бесполезных усилий заключила я. – Много чего чувствовала. Все очень противоречивые ощущения, так сразу и не разберешь. А почему ты спрашиваешь?

И тут-то Алиса поразила меня второй раз.

– Видишь ли, женская интуиция всегда ближе к истине, чем мужская логика, – с достоинством произнесла она.

«Где она нахваталась таких умных мыслей?» – подумала я, абсолютно исключая вероятность того, что автор изреченного – моя подруга.

– Поэтому, когда интуиция тебе подсказывает что-либо, то все так и есть, – вдохновенно продолжила Алиса. – Если честно, когда ты начала свой рассказ, я сразу подумала, что на этот раз сочинение твое весьма неудачно. Весьма неудачно.

И это говорит она, страстная поклонница моего таланта.

– Почему это? – обиделась я.

– Слишком много натяжек, а потому не правдоподобно. Твой злодей действовал вызывающе!

– Так он не дурак. В наше-то время, когда милиция заня-

та исключительно своими делами, когда ей продохнуть некогда, не то что смотреть, где, кто, кого убивает, – чего вообще можно бояться? Я до сих пор в толк взять не могу, почему этот мошенник бросил меня прямо ни с того ни с сего.

Алиса сочувственно покачала головой. Она пребывала в глубокой задумчивости: черты лица заострились, лоб нахмурился, глаза потеряли прежнюю беззаботную ясность. Мысль исказила черты лица Алисы. Она уже не выглядела ангелом. Нет, все же правы древние, утверждая, как не идет красивой женщине умственное напряжение.

– А ты не слышала, что сказал ему твой сосед? Твой сосед? – наконец поинтересовалась Алиса.

– Каким образом? Я же в это время колотила половником по кастрюле.

– Но можно предположить. Можно предположить.

– Предположить несложно. Сосед у меня крутой, ментами грозить вряд ли станет, а вот телохранителей прислать для разборки мог...

Противный визжащий звук раздался со стороны улицы. Я вскочила с дивана и с криком: «Они пилят мои решетки» – припустилась во двор. Алиса за мной. Мы выскочили за калитку, но улица оказалась пуста. Звук раздавался из соседних владений. По качающимся веткам торчащего из-за забора дерева можно было предположить, что на сей раз расправляются с ним.

– Уф-ф! – облегченно вздохнула я. – Никакого воспита-

ния у этих цепных мужиков. Пилят, когда им в голову взбрет.

– Почему цепных? – удивилась Алиса?

– Да потому, что на шее у моего покойного Бобика цепь была пальца на два уже.

– Пойдем скорей в дом, – затравленно озираясь по сторонам, прошептала Алиса и дернула меня за руку. – Совсем не нравится мне ваш райончик.

Я заметила, что ее трясет. – Большую глупость мы сделали, что выскочили на улицу, – сказала Алиса, когда мы вернулись в столовую. – После всего, что ты рассказала, это двойная глупость. И вообще, нам надо поскорей уехать в Питер. Уехать в Питер.

Меня выводила из себя ее педагогическая привычка повторять концы фраз, но, понимая, что сейчас неуместно раздражаться, я постаралась удержаться от передразнивания.

– Ты права, – согласилась я, – уехать в Питер необходимо, но как это сделать? Зря ты отпустила Германа.

– Зря я отпустила Германа, но мы можем ехать электричкой. Через сорок минут будем на Черной речке, а там на метро до Удельной. На метро до Удельной.

– На Черной речке погиб мой коллега Пушкин, – напомнила я. – Ты забыла, там от станции до метро придется пробираться дворами, и кто знает, в каком месте могут пристукнуть. Нет, на электричке я не поеду.

– Тогда на маршрутке, на маршрутке, – предложила Али-

са, но и от этого предложения я вынуждена была отказаться.

– Маршрутку придется ждать на остановке. Улицы в Сестрорецке немногочисленны.

Я с ужасом осознала, что опасность подстерегает меня буквально везде, и тут же пришла в отчаяние. Зато Алиса сегодня была невероятно проницательна и умна.

«Впрочем, – подумала я, – так всегда с ней происходит, когда поблизости не оказывается Германа».

– Пуганая ворона куста боится, – продолжая Потрясать меня своей эрудицией, сказала Алиса. – После такой ночи ты и в самом деле не дойдешь ни до станции, ни до маршрутки – умрешь по пути от разрыва сердца. Остается вызвать такси. Вызвать такси.

– Это идея, – обрадовалась я, – но телефон не работает. Тебе придется пройти к ближайшему таксофону, который около универмага, чего очень не хотелось бы, очень не хотелось бы, – все же не удержалась и передразнила я Алису.

– Ерунда, – не замечая издевки, отмахнулась она, – не думаю, что для меня это опасно. Вот только боюсь оставлять тебя одну.

– Если я продержалась всю ночь, пятнадцать минут как-нибудь выдержу, – убежденно заверила я, нетерпеливо подталкивая Алису к выходу.

Выходя из дома, она споткнулась, уронила сумочку, и на дорожку вылетела куча мусора, с которой Алиса не рассталась ни днем, ни ночью: какие-то пуговицы, шпильки, за-

колки, тюбики с кремом и губной помадой, пудреница, скомканный целлофановый пакет, противозачаточные таблетки, кошелек, мазь для рук, «тампакс», очевидно, заменяющий бируши, пилочка для ногтей, жвачка, пинцет и много еще чего, совершенно необходимого в сложной жизни простой женщины. Посреди всего этого «великолепия» скромно лежал телефон. Очень приличный мобильник фирмы «Моторола».

– Алиса! – нервно возопила я, тыча пальцем прямо в него. – Ты куда собралась?

– Звонить, – сообщила она, ползая на корточках и аккуратно собирая свой мусор с дорожки.

– Так почему же ты не вызовешь такси прямо из дому?

– А как это возможно?

– Да вот эта вот штука, – хватая в руки телефон, возбужденно произнесла я, – поможет без всяких проблем.

– И в самом деле, – согласилась Алиса, забирая трубку. – Совсем забыла.

Она тут же, не отходя от своего мусора, грациозно забегала пальчиками по кнопочкам аппарата, а я, проклиная все на свете, поплелась обратно в дом.

«Имея таких бестолковых друзей, не надо и врагов, – думала я, пригорюнившись в столовой. – Что за женщина? И как только Герман промучился с ней столько лет?!»

Тем временем Алиса с вопросом: «Ты готова?» – выросла на пороге. У нес был вид победительницы.

– Вот видишь, как все хорошо устроилось, – сказала она, бессовестно присвоив все лавры себе. – Такси приедет через пять минут. В доме есть ценные вещи?

– Самая ценная вещь – это его хозяйка. Остальное легко приобрести за деньги, – ответила я, подразумевая свои неподкупность и бескорыстность одновременно.

На Алису моя фраза не произвела никакого впечатления. Она скептическим взглядом окинула столовую и сказала:

– Кофеварку могут унести. К тому же в холле стоит музыкальный центр. Музыкальный центр.

– На кухне позолоченный столовый набор, в гостиной телевизор и магнитофон, а в библиотеке компьютер, – добавила я. – Если всю ночь меня донимали из-за этого хлама, я повешусь или утоплюсь в Реке Сестре. Сказали б сразу, чего хотят, я сама все это вынесла бы за калитку.

Алиса с осуждением покачала головой.

– Да, теперь я вижу, что у тебя действительно была непростая ночь, – вздохнула она.

– Как хорошо, что до тебя все так быстро доходит. Сигнал автомобиля прервал нашу беседу.

– Такси! – вскрикнула Алиса и помчалась на улицу.

Я поспешила за ней.

Глава 4

До Питера мы добрались без всяких приключений. Алиса, вместо того чтобы обсудить со мной тяготы прошедшей ночи, без умолку трещала о своих родственниках. Я из чувства благодарности вынуждена была поддерживать разговор.

– Представляешь, Ольга увлеклась магией, – сообщила Алиса.

Ольга, ее старшая сестра, – серое, никчемное создание. Кирилл – алкоголик и непутевый муж Ольги – когда-то ухлестывал за мной. По этой причине Алиса считала своим долгом держать меня в курсе всех их семейных проблем.

– Ольга бегает по магическим курсам, – не теряя вдохновения, продолжила Алиса, – и теперь знает множество проклятий...

– Может, заклинаний? – предположила я.

– Точно, заклинаний, – подтвердила Алиса. – Еще она купила громадный аметист и повесила его на шею Кириллу.

– Зачем?

– Ну как же, аметист в переводе с греческого «непьющий». Ольга утверждает, что этот камень лечит самых закоренелых энтузиастов бутылки, вызывая у них стойкое отвращение к спиртному. Теперь Кирилл не расстается с аметистом даже ночью. Даже ночью.

– И помогает?

– Еще как! Еще как!

– Неужели Киря бросил пить? – нешутейно изумилась я. – Он же пил с завидным постоянством.

– Теперь пьет с отвращением, – сообщила Алиса. – С громадным отвращением.

– Значит, лет через двадцать точно бросит, – искренне одобрила я затею Ольги.

– Слушай, а может, поедem ко мне? Представляешь, как обрадуются все? Обрадуются все.

Я представила, как обрадуется Алисина сестра, ненавидящая меня всеми фибрами своей странной души, и содрогнулась. К тому же видеть пьющего с отвращением Кирию (с аметистом на шее) почему-то не хотелось.

По вышеназванным причинам я отказалась, решив, что мои родственники, в сравнении с Алисиными, просто клад. На проспекте Энгельса я вышла из такси и, пообещав Алисе держать ее в курсе, повернула на тихую улочку Гданьскую, где в просторной четырехкомнатной квартире проживала семья моего единственного дядюшки Вячеслава.

«Не очень приятное место, учитывая мое положение, – подумала я, через высокие металлические ворота входя в заросший деревьями глухой и сумрачный двор. – Если кому-нибудь вздумается испытать на прочность мою бедную голову, боюсь, это получится без всяких затей: легко и просто».

Пройдя в глубь двора, я торопливо набрала код, откры-

ла дверь и по старой широкой лестнице поднялась на второй этаж. Этот трехэтажный дом когда-то был средоточием коммуналок. Теперь же народ рассортировался по отдельным квартирам, и в этом подъезде осталось всего три семьи. На первом этаже живут честные люди, на третьем – банкир, а между честными людьми и банкиром – мой дядюшка профессор Волошинов.

Безгранично радуясь тому, что на третьем этаже поселился банкир, чья драгоценная личность находится под неусыпным оком секьюрити, я наконец-то почувствовала себя в полной безопасности, ибо знала, что любой посторонний мгновенно вызовет у многочисленной охраны банкира самый живейший интерес.

Правда, мой дядюшка в связи с проживанием над ним банкира испытывает большие опасения и, уверяю вас, не беспочвенные, поскольку совсем недавно интеллигентная семья Волошиновых едва пережила стресс.

Три месяца назад ночью неизвестными со стороны улицы Гданьской по окнам банкира были произведены то ли автоматные, то ли гранатометные выстрелы. Мой дядюшка – профессор от страха самым неинтеллигентным образом наделал полные штаны, и тут я его прекрасно понимаю. Если в его окнах не осталось ни одного стекла, можно предположить, что делалось в квартире банкира. К тому же всегда есть опасность, что в следующий раз террористы просто перепутают этажи.

«Каждый должен жить по средствам», – говорит по такому поводу моя Нелли. Здесь я целиком и полностью с ней согласна.

Коль настало время, когда в просторных четырехкомнатных квартирах живут банкиры, не лучше ли семье простого профессора, заведующего кафедрой какой-то ничтожной начертательной геометрии, вести себя скромней и разменяться на что-нибудь более соответствующее его положению и доходам.

Тем более что он буквально нищенствует, стараясь соответствовать своим апартаментам на Гданьской, квартире на площади Мужества, даче в Лисьем носу, старому автомобилю «Жигули» и трем телефонам. Хотя и здесь его можно понять. Теперь всякий старается хоть как-нибудь процветать.

С такими мыслями я нажала на кнопку звонка и замерла в ожидании в полной уверенности, что в шесть-то часов утра кто-нибудь из семейства Волошиновых обязательно окажется дома. Ожидания не обманули. Дверь открыла Нина Аркадьевна. Ей, видимо, хотелось изобразить радость, но по лицу было видно, что она неприятно удивлена.

– Ты? – вместо приветствия спросила она.

– Решила остановиться у вас, – поправ хорошие манеры, вместо «здрасьте» честно призналась я.

Чувства, которые мы испытывали друг к другу в последнее время, все больше напоминали ненависть, хотя внешне отношения пока не выходили за рамки родственных. Поэтому-

му жена дяди вынуждена была проявить радушие.

– Есть хочешь? – спросила она.

– Лучше искупаюсь, – ответила я, прямым ходом направляясь в ванную с целью срочно сделать педикюр.

Если меня подстерегает столько опасностей, не умирать же с грязными ногами.

Когда час спустя я, распаренная и довольная, с младенчески нежными пятками и тщательно выбритыми ногами вышла в прихожую, собираясь ближайшие сорок минут провести перед высоким старинным зеркалом, выяснилось, что меня ожидает неприятный сюрприз. Нина Аркадьевна в ходе длительной и весьма эмоциональной беседы с моей обожаемой Алисой оказалась в курсе всех моих проблем, что абсолютно не входило в мои планы.

– Ну, что скажешь? – жестом приглашая меня на кухню, осуждающе спросила она.

– А что тут скажешь? – следуя ее приглашению, без всякого энтузиазма ответила я. – Кто-то покушается...

– Так случается всегда, когда совершаются не праведные дела, – изрекла Нина Аркадьевна, явно намекая на последнее волеизъявление моей покойной бабушки, представляющееся ей несправедливым лишь на основании того, что оно оказалось в мою пользу.

Благодаря постоянному влиянию Нины Аркадьевны семья Волошиновых и раньше не слишком жаловала меня, а после смерти бабушки, когда благодаря ее завещанию на-

следницей виллы в Сестрорецке и квартиры на Васильевском стала я, хроническая неприязнь родственников перешла в острую форму.

– Если честно, я не слишком верю во все твои фантазии, – насыпая в чайничек заварку, сказала Нина Аркадьевна. – Это все твой эгоцентризм. Жила бы как все, не меняла бы мужей, как перчатки, до сих пор была бы счастлива, как я.

Я ужаснулась, но и вида не подала, а, подмяв под себя ноги, устроилась на грязном (как и все в квартире тетушки) стуле перед широким блюдом и принялась таскать одно за другим песочное печенье.

– Пока была жива Анна Адамовна...

(Это моя бабушка, а следовательно, свекровь Нины Аркадьевны.)

– ...ты процветала, как сыр в масле каталась. Все сходило тебе с рук. Конечно, остаться в двадцать лет круглой сиротой неприятно...

(Неприятно?)

– ...но надо же иметь мозги. Это же еще не повод, чтобы мотаться по всему миру, влипая в разные истории и не рожать детей.

(Ее послушать, так для того, чтобы рожать детей, повода не надо вообще.)

– Тебе сорок лет, а на кого ты похожа?! Ты только посмотри на себя в зеркало, и сразу станет все на место. (Каждый день смотрю, а не становится.) – По телефону твой голос лег-

ко можно принять за детский. Не ходишь, а порхаешь, как мотыль. Что за юбка? Светишь голыми, извини меня, ляжками. Кому ты подражаешь? Алиске своей дурной? Вышла бы замуж по-настоящему, нарожала бы детей и занялась бы хозяйством... Миготом отпадет охота девочкой прикидываться.

Тут уж мое терпение лопнуло. Даже печенье в горле застряло.

— У Алисы, между прочим, есть и племянники, и муж. — напомнила я, — а лет ей это не добавило.

— Лет-то добавило, ума нет, — выразительно округлив глаза, отрезала Нина Аркадьевна. — А ведь тебе есть с кого брать пример. Вот я в ваши годы... (Не приведи господи!)

— ...солидная достойная женщина, порядочная и хозяйственная...

(Со всеми признаками семейной жизни.)

— ...уважаемая всеми и мужем. Если ты не возьмешься за ум — умрешь, как твоя бабушка...

(Только об этом и мечтаю: посредине праздника с пирожным во рту, окруженная поклонниками, подарками и любовью.)

— ...без мужа и семьи. Знала бы покойница, как сложилась твоя никчемная жизнь... (Умерла бы от гордости.)

— ...Знала бы, как мучаешься ты без нее, не стала бы баловать тебя в свое время. Как же! «Сонечка деточка! Сонечка внучечка!» — Нина Аркадьевна отвратительно передразнила мою любимую бабушку. — А теперь некому носиться с

тобой, и ты затосковала, заскучала и запечалилась, взялась придумывать всякие истории.

– Ничего я не придумывала, – оскорбилась я, вытягивая из блюда сразу три печенья.

– Не перебивай аппетит, – сердито хлопнула меня по руке Нина Аркадьевна и, углубившись в чрево холодильника, уже оттуда продолжила:

– Зря ты меня не слушаешь, я плохого не подскажу.

– Я тебя слушаю, – заверила я, проследив глазами за тем, как ее голова вынырнула из холодильника и полезла в духовку.

– А если слушаешь, тогда вникай.

Нина Аркадьевна выпрямилась, повернулась к столу, еще раз хлопнула меня по руке, тянущейся за очередной порцией печенья, и строго сказала:

– Сейчас же убери со стула ноги. Что за привычка задирать их выше головы? Когда уже ты станешь воспитанной?

Я смотрела на Нину Аркадьевну, эту интеллигентную шестидесятилетнюю женщину, преподавателя музыки с консерваторским образованием, жену профессора и мать аспиранта. Я смотрела и сгорала от стыда, потому что понимала: плевать ей на мое воспитание, как и на всю мою жизнь, а просто жаль ей своего грязного стула и еще больше жаль песочного печенья, которое с таким аппетитом я истребляла.

Но больше всего Нине Аркадьевне жаль того наследства, которое мимо нее уплыло ко мне. И потому со всей страст-

ностью, с которой она наслаждается Шопеном и Рахманиновым, она ненавидит меня, свою ни в чем не повинную сироту-родственницу. Мне стало мучительно стыдно за нее, и я съела еще одно печенье.

– Вот, – сказала Нина Аркадьевна, – в этом ты вся. Рыбу будешь?

Я была уверена, раз мне предлагают рыбу, значит, она с душком, а потому ответила:

– Нет, рыбу не буду.

– А что ты будешь?

– То, что будет дядя.

– Вячеслав давно на работе, – не без злорадства сообщила

Нина Аркадьевна. Я несказанно удивилась.

– Как, уже? В семь утра?

– Не все же такие бездельники.

– Между прочим, я не спала всю ночь, а дядюшка, если память мне не изменяет, еще вчера лежал с высокой температурой.

Здесь Нине Аркадьевне смутиться бы, но она Рассердилась. Люди всегда сердятся, когда их ловят, а лжи, видимо, именно от смущения.

– Мы не так богаты, чтобы болеть, – отрезала она, отправляя рыбу обратно в холодильник и доставая прошлогодние котлеты.

Я понимала, что охотней всего она накормила бы меня синильной кислотой, щедро сдобренной мышьяком и циани-

стым калием, а потому отрицательно покачала головой и в сторону котлет.

– Ну, тогда я не знаю, чем тебя угощать! – сердито заметила она и, накрыв блюдо с печеньем салфеткой, поспешно поставила его в буфет.

– Надо было идти к Алисе, уж она-то нашла бы что-нибудь на завтрак, – ковыряя пальцем несвежую скатерть, заметила я, после чего Нина Аркадьевна окончательно взвилась.

– Если хочешь знать, роль Алисы во всей этой истории мне очень подозрительна, – закричала она. – То она к нам носа не кажет, а то вдруг такое внимание. Почему она сейчас позвонила и рассказала мне весь этот бред?

– Почему?

– Да потому, что хочет заострить всеобщее внимание на том, что она твоя лучшая подруга, готовая по любому зову мчаться тебя спасать. Ведь если ты умрешь, подтвердить это будет некому.

Я поежилась, усиленно соображая, верит Нина Аркадьевна рассказу Алисы или нет. Если не верит, то вероломно пытается настроить меня против любимой подруги, которую ненавидит сразу по двум причинам: за красоту и за дружбу со мной.

Если же Нина Аркадьевна верит всему, что рассказала Алиса, то в ее словах должен быть какой-то подтекст.

– Почему это я должна умирать? – с вызовом спросила я. Нина Аркадьевна смешалась.

– Мало ли почему, – сказала она. – Разве ты расскажешь, в какую очередную историю вляпалась на этот раз. Видела бы твоя бабушка...

– Ни во что я не вляпывалась, а лучше скажи мне, почему Алиса кажется тебе подозрительной.

– Скажу, – неожиданно пошла на откровенность Нина Аркадьевна. – Потому что не так давно я видела ее на Фонтанке, садящейся в черный «Мерседес», а сегодня на мой вопрос, нет ли у нее знакомых, владеющих такой машиной, она без заминки сказала, что нет.

Я мгновенно вспомнила про радиотелефон, выпавший из сумочки Алисы, и почувствовала неприятный холодок под ложечкой.

– А зачем ей убивать меня? – спросила я упавшим голосом.

– Вот этого не знаю. Единственное могу сказать: рядом с Алисой ты будешь в большей безопасности, чем в нашем доме.

Я нервно рассмеялась.

– Прекрасный способ избавиться от моего присутствия, но не слишком-то оригинальный.

Нина Аркадьевна посмотрела на меня, как на дурочку.

– Вот она, благодарность, – с укором произнесла моя родственница. – Стоит только проявить заботу о ближнем, как тебя сразу обвинят в корысти. Да живи здесь, сколько хочешь, все равно мы весь день на работе. Мне ты не мешаешь,

но тебе же надо давать на лето дом в Сестрорецке, а значит, придется выходить на улицу. Где гарантия, что этот подонок не выследит тебя?

– А где гарантия, что он не выследит меня у Алисы?

– Если Алиса к этому причастна, вряд ли ей выгодно быть свидетелем твоей смерти, следовательно, на текущий момент самое безопасное общество – это ее семья. Уж там-то тебя точно убивать не станут.

Нет, моя Нина Аркадьевна просто садистка какая-то. Видит же, как я коченею от каждого ее слова, а продолжает.

– В любом случае, раз ей хочется выглядеть сочувствующей, то пусть берет своего Германа и везет тебя в Сестрорецк, – заключила она.

– А мой родной дядюшка, значит, не хочет выглядеть таковым? – спросила я, намекая на его автомобиль.

– Твой дядюшка болен, стар и работает с утра до вечера. В конце концов, у него кафедра, – урезонила меня последним доводом Нина Аркадьевна.

Я не стала травмировать несчастную различными сомнениями и подозрениями насчет аспиранток и студенток, а благородно промолчала. К тому же, окончательно уразумев, что здесь мне точно не светит, я обратилась помыслами к Алисе.

– Но если Алиса жаждет моей смерти, зачем она понеслась ко мне? Какая ей выгода? – спросила я, зная, что по части выгоды тетушке нет равных. – Так можно и на преступника нарваться, причем в тот самый момент, когда он благополуч-

но справляется с задачей, сложив обе руки на моей шее.

– Ну, во-первых, она точно знала, что преступник потерпел неудачу, и хотела удостовериться, что ты напуганная, не сбежишь в Москву, а останешься в пределах досягаемого. А во-вторых, что ей оставалось делать после моего звонка? Было бы подозрительно, если бы она отказалась помочь лучшей подруге.

– Ага, а желать смерти лучшей подруге можно? Но чем я ей так сильно помешала? Мы и видимся-то редко. Если уж кому меня убивать, так это скореей Нелли. Вот кто имеет к тому все основания.

– Нелли слишком прямолинейна для убийства, – со знанием дела заявила Нина Аркадьевна, – а вот Алиса... В тихом омуте черти водятся.

Открытые разговоры о моем убийстве, да еще так охотно поддерживаемые, потихоньку начали меня злить.

– Так что же мне теперь делать? – прямо спросила я свою вредную тетушку. – Мне и так уже всюду опасности мерещатся. В ванне, лежа, чуть не умерла из-за мухи. Она села на лампочку и отбросила тень, а у меня сердце в пятки. Кстати, что за грязь ты развела в ванной комнате? Везде вонь и паутина.

Нина Аркадьевна только махнула рукой. Ясно, в ее жизни есть дела и поважней.

– Ладно, раз ты есть не хочешь, бегу на репетицию. У нас оратория, через три дня концерт.

Подумать только, солидная и достойная, порядочная и хозяйственная женщина шестидесяти лет с легким сердцем отправляется куда-то творить прекрасное, когда ее собственная квартира ничем не уступает городской свалке. Надо заглянуть в толковый словарь. Вероятно, я не правильно понимаю слова «достойная» и «порядочная», а о том, что такое «солидная» и «хозяйственная», я и вовсе не имею представления.

Глава 5

Проводив Нину Аркадьевну, я первым делом залезла в холодильник и взяла из хорошо известного мне тайника, замаскированного под овощной отсек, все, что захотела: кружок свежайшей копченой колбасы, креветочное масло, селедку в винном соусе и кусочек недоеденного балыка из осетрины.

Ничем не рискуя, голову готова дать на отсечение, что мой дядюшка, наевшись яичницы, довольный ушел на работу, даже не подозревая, что в его доме хранятся (и даже едятся) такие сокровища.

Ай да тетя Нина! Конечно, ей, хозяйственной и порядочной, не страшно замуж выходить и быть с этим мужем счастливой, когда нет пределов ее находчивости, наглости и лицемерию.

Подкрепившись, я воспряла духом и, вернув отчасти прежнюю уверенность в себе, даже принялась себя ругать:

«Что это ты, деточка, так сопли распустила? Шарахаешься от любой пролетающей мухи. Собери-ка лучше в кучу мозги и подумай, кому ты могла перейти дорожку?»

Но сколько я голову ни ломала, по всему выходило, что беда нагрянула в самый спокойный и благочинный период, когда ни в какие аферы и сомнительные предприятия я не пускалась, кипучую деятельность свернула до нуля и вообще вела достойную размеренную светскую жизнь, с легким

налетом эпикурейства и сибаритства. Убивать меня было совершенно не за что, ну разве за леность и склонность сорить деньгами да еще за глупость с Артуром. Все остальное казалось вполне безобидным, а кое-что даже достойным похвалы.

Тем не менее моя жизнь в опасности. В этом, похоже, нет сомнений даже у моей здравомыслящей тетушки.

Кто знает, к чему привели бы меня такие размышления, замешанные на трезвой оценке обстоятельств и легкой обиде на жизнь, но позвонила Нелли.

– Ты еще жива? – бодро поинтересовалась она, после чего мне тут же захотелось ее как следует треснуть. – Я только что звонила Алисе, думала, ты у нее. Какая кошка между вами пробежала?

Вот те на. С чего она взяла?

– Никто между нами не пробегал, – промямлила я, стараясь забыть тетушкины наветы.

– А что же тогда? Раньше ты неслась к Алиске прямо с вокзала, а теперь, выясняется, почти месяц проторчав в Питере, ты ни разу ей даже не позвонила. С ума сойти, она же до сегодняшнего утра пребывала в заблуждении, что ты уже в Москве.

– Сама понимать должна, Артур и все прочее, – вяло оправдывалась я.

– Прочего не было, а влюбчивость твоя до добра не доведет, – принялась поедать меня Нелли. – Уверена, воры лез-

ли по наводке Артура. Тебе не кажется подозрительным его уход? Как-то вдруг, ни с того ни с сего.

– Кажется, если считать ни тем ни сем надетую на голову кастрюлю, полную прокисших объедков. – Тем более это он.

– Очень логичное заключение, – заметила я, – абсолютно в твоём духе. Впрочем, воров это или нет, легко проверить.

– Как же? – Оставить дом без присмотра дня на два и затем посмотреть, стоит ли на кухне кофеварка, а в библиотеке – компьютер.

Нелли пришла в ужас.

– Как, – завопила она, – ты оставила на даче такое ценное добро?

– Нет, мое добро всегда со мной, и в данный момент ты им пользуешься безгранично, а кофеварку я действительно оставила на даче.

– Но почему? Почему?

– Потому что уверена – злоумышленника прельщает не она. Что-то подсказывает мне – ему нужна я, точнее – моя беспутная жизнь.

Последние слова я произнесла цепенея, хотя и не слишком верила в то, что говорю. Хотела придать себе значимость в глазах Нелли, и тут же до смерти напугалась сама. К тому же я забыла о впечатлительности Нелли. Бедняжка даже застучала зубами.

– С-соня, б-брось все и в-вернись в Москву, – заикаясь, взмолилась она. – К ч-черту эти д-деньги.

– Всегда легко посылать к черту чужие деньги, – не согласилась я. – Нет уж, сначала сдам дачу, а уж потом вернусь. К тому же тетушка считает, что я рядом с Алисой я в безопасности.

Зачем я брякнула это, не знаю сама, но что поделаешь, так часто бывает у очень умных людей: сначала брякнут – потом подумают. Нелли, конечно, тут же вцепилась мертвой хваткой и все у меня выпытала. Мой рассказ лег на слишком благодатную почву. Нелли всегда ревновала меня к Алисе, а потому охотно разделила сомнения Нины Аркадьевны.

– Мне сразу все это показалось подозрительным, – заявила она, начисто забыв про Артура. – Алиска никогда не отличалась рассеянностью, как она могла забыть про мобильник?

– Не вижу смысла скрывать мобильник. Что бы ей это да-
ло?

– Как что? Да все! Ее Герман вообще непонятно чем занимается, а она целиком и полностью под его влиянием. Не думаю, что тебя непременно собирались убивать (хотя в наше время и такое возможно), но что-то им от тебя определенно надо.

Эмоциональная и бессмысленная речь Нелли кого хотите выведет из себя. Я напредила ей, что чем раньше сдам виллу, тем быстрее вернусь в Москву. Нелли, предчувствуя конец беседы, панически бросилась выдвигать глупейшие аргументы, но я наспех попрощалась и повесила трубку.

На скорую руку приведя себя в порядок, я позвонила Али-

се и первым делом отругала ее за звонок к тетушке.

– Все время забываю, что она ненормальная, она ненормальная, – оправдывалась Алиса. – Мне в такси показалось, что ты сникла...

– Еще бы, от одних только разговоров про алкоголика Кирию с камнем на шее...

– А раз ты сникла, – продолжила Алиса, совершенно игнорируя выпад против Кири, – раз ты сникла, подумала я, значит, надо, чтобы Нина Аркадьевна тебя поддержала.

Поддержала?! Меня?! Нина Аркадьевна?! Господи! Что городит эта сумасшедшая?!

И после этого моя тетушка хочет, чтобы я подозревала Алису. Нет, если моя Алиса, с ее мозгами, убийца, тогда я, со своими, могу прямо сейчас идти всех грабить и убивать, и мне за это ничего не будет.

– Так знай, – ярость просто клокотала во мне, – я сникла как раз после того, как Нина Аркадьевна меня поддержала. Но дело не в этом. Мне нужно в бюро по недвижимости.

– По поводу сдачи в аренду дачи? – в рифму проявила догадливость Алиса.

– Да, надо решить это дело как можно скорей, тогда буду спокойно жить и горя не знать. Герман не освободился?

– Нет, а что?

– Хотела попросить его повозить меня по городу. Если ты не забыла, ездить на метро теперь небезопасно, – многозначительно напомнила я.

– Поедешь со мной, – тоном, не терпящим возражений, заявила Алиса. – Жди, через сорок минут буду на Гданьской. Я на такси.

Представив в качестве телохранителя свою Алису, я приуныла.

«Ладно, – приободрила я себя, – тетушка считает, что рядом с Алисой меня убивать не станут, а тетушка ошибается редко».

Минут через сорок в прихожей раздался звонок. Прежде чем открыть дверь, я в «глазок» удостоверилась, что это Алиса. Широкополая шляпа на ее голове, от питерского ветра приколотая к волосам красивой заколкой, говорила о том, что Алиса в прекрасном настроении. На фоне моих бед это показалось подозрительным.

«Стоит только бросить на человека тень, – подумала я, – как тень эта тут же обретает очертания яви. Еще немного – и я сама начну находить подтверждение причастности Алисы к ночному преступнику в каждом ее взгляде и вздохе».

Тем временем беспечная Алиса бодро помахала газетой и радостно сообщила, что по дороге просмотрела все объявления и даже выбрала подходящее агентство по недвижимости. Туда мы и отправились.

Таксист сразу же показался мне типом, не внушающим доверия, но я решительно взяла себя в руки и храбро приземлилась на заднее сиденье. Рядом тут же плюхнулась Алиса и с ходу поведала мне «увлекательнейшую» историю из се-

мейной жизни ее сестры Ольги и алкоголика Кири.

Я, стараясь зевать пореже, контролировала в зеркальце заднего вида, нет ли за нами «хвоста». Минут через пять Алиса завопила не своим голосом:

– Стойте! Стойте. Здесь! Здесь!

Перепуганный водитель панически затормозил, после чего Алиса подробно объяснила, что мы приехали.

Действительно, я, следуя направлению ее пальца, быстро отыскивала глазами красочную вывеску, обещающую и продать, и разменять, и арендовать, и даже что-то еще, звучащее совсем не по-русски. В общем, было бы жилье, а уж что с ним сделать – фантазии хватит.

Алиса выскочила из машины и помчалась вперед. Я, осмотревшись, тоже покинула такси и степенно направилась к агентству. У самого входа я услышала за спиной несколько развязный свист. Как истинная женщина я тут же оглянулась и...

Бывают же на свете совпадения. За рулем изумительно-го джипа «Навигатор» сидел мой добрый сосед, тот самый, которому посчастливилось быть свидетелем ночного нападения.

– Ну и ночку, бля, вы устроили сегодня утром, – с игривой улыбочкой сообщил он, не выходя из машины и жестом подзывая меня.

«Очарованная» его манерами и, главное, способом выражать свои мысли, я подошла.

– Уж простите, – смущенно сказала я, – постараюсь не остаться в долгу, когда наступит ваша очередь. Надеюсь, ждать придется не долго.

Соседа передернуло, но шутку он воспринял, молодецки «запенил» меня с головы до ног и, видимо, не разочаровавшись, забасил:

– Ну ты ничо там не подумай, шо я пристаю и типа такого, я чисто познакомиться хотел. Сморю, такая девушка и шо-то типа соседки. Короче, кликуха моя Николай, можно просто – Коля.

– А я просто Софья Адамовна, – со скромным достоинством представилась я.

– Ну?! – непонятно чему обрадовался сосед. – Жидовка, что ли?

Все же как он мил.

– Нет, русские иногда тоже любят такие имена: Софья Ковалевская, например, если вам это о чем-нибудь говорит.

– Ладно, Софа, не сердись, – примирительно успокоил меня Коля. – Против жидов ничего не имею. У меня компаньон – жид пархатый, а я его люблю. – Коля жизнерадостно хлопнул рукой по рулю и спросил:

– Подвезти?

– Если вы успели заметить, я пыталась войти вон в ту дверь, – напомнила я, не прекращая восхищаться его воспитанием.

– А шо там?

– Агентство по недвижимости, как видите. Мое заурядное сообщение подействовало на него, как сигнал трубы на кавалерийского коня. Коля оживился, встрепенулся и, едва не выпрыгивая из «Навигатора», спросил:

– Дачу продаешь?

Я мгновенно сложила свое остроумие к его ногам и повела разговор со всей серьезностью.

– Нет, пока сдаю на весь сезон – и деньги вперед, – демонстрируя крайнюю деловитость, сказала я.

– А цена?

– Самая высокая.

– Ну-уу, – скептически протянул Коля. Я оскорбилась.

– Что «ну»? Учитывая место и вид из окна на залив, цена должна быть подходящая.

– Софа, да откуда же, е-мое, вид? Даже из моего окна, бля, ничего типа залива.

– А из моего окна в бинокль хорошо видна Финляндия, – упорно стояла я на своем.

Коля разгорячился, хмыкнул и с убойной силой хлопнул себя по колену, словно по чужому.

– Ну, бля, гонишь, ну гонишь! Хельсинки, еще скажи. Какая, бля, Финляндия, когда, в натуре, даже из моего окна ничего типа залива.

– Не равняйтесь, – с видом превосходства произнесла я. – У вас два этажа, а у меня три. С третьего этажа прекрасный вид на залив. Не верите, можете зайти и убедиться своими

глазами.

Мое замечание так уязвило соседа, что он даже не обратил внимания на приглашение.

– Со-фа! Два этажа?! Вот гонит, вот гонит, а, – стал возмущаться он, оглядываясь на «держи морду», сидящую сзади. – Да у меня еще в подвале два...

– Не знаю, что там у вас в подвале... – безжалостно оборвала его я. – Приличным людям не пристало жить в подвале. А за вид из окна и три моих этажа я собираюсь взять самую высокую цену. Сдаю на все лето с мебелью и даже с компьютером, если его еще не украли.

– Ну, бля, сама же видит, бля! – снова обратился он за помощью к «держиморде». – Софа, ты че, в натуре, какая самая высокая цена, когда к тебе каждую ночь темные личности лазят?

– Но они же лазят ко мне, – многозначительно улыбаясь, заметила я.

Сосед задумался, в глазах его загорелась искра разума, он ухмыльнулся:

– Что же ты, е-мое, шлангом прикидывалась? Я так сразу и врубился: обычные семейные разборки.

– Вообще-то я женщина одинокая, – возразила я, – но дело не в этом. Вы лучше меня просветите, что сказали вы тому славному молодому человеку, который так рвался попасть в мой дом?

– Ничего не сказал... – Коля так растерялся, что даже за-

был связать слово любимой частицей «бля».

– Нет, вы, вероятно, чем-нибудь ему пригрозили, – проявила я настойчивость. – Иначе с чего он вдруг изменил намерения и сиганул через забор.

Сосед посмотрел на меня с большим сомнением и поведал такое, что мне сразу же понадобился стул – так слабы стали ноги.

– Как с чего? – удивился он. – Зазвонил, ну, мобильник... Значит, этот, бля, твой, достал из кармана трубку, бля, поднес ее к уху и мигом сиганул через забор. Ну, е-мое! Я с ним как с братаном, бля, чисто по-мужски банкую, а он, бля, сиганул. Я сразу врубился, что никакой он, бля, не вор, а просто разборки у вас типа семейных. Ночь вы мне... – в этом месте Коля схватился за голову. – Е-мое, как вы мне ночь спаганили, но я не в обиде, вот только жена... – Он сделал кислую мину, задумался. – Ну, фиг с ней. Короче, если дачку без дел сдаешь, то можно столковаться чисто по-соседски, без всяких там налогов и договоров...

Я стояла на ватных ногах и тупо смотрела на своего доброго соседа Колю, энергично продолжающего торг. Мысли мои понеслись сразу в нескольких направлениях. Желание сесть прямо в эту машину и ехать куда глаза глядят, видимо, захватило меня слишком сильно. Сосед что-то заподозрил и спросил:

– Так что, по рукам? Можем прямо сейчас посмотреть на твой вид.

– Да, по рукам, – торопливо согласилась я, запрыгивая в «Навигатор».

Уже по дороге я узнала, что, воспользовавшись моим состоянием, ушлый Коля сторговался со мной на такой низкой цене, что только диву даешься, о какой расточительности говорят, поминая «новых русских».

Несмотря на то, что на моей вилле он собирался поселить совершенно подозрительного типа, я не стала разрывать стихийно созревшей договоренности, а с радостью кивала подряд всему, что слышала. Я согласна была на любые условия, лишь бы поскорей сдать виллу и при этом не выходить из машины, на заднем сиденье которой сидело два внушительных лба, говоря языком Коли: типа амбалов.

Подъехав к моим воротам, сосед пропустил лбов вперед. Они первыми вошли в калитку, затем в дом, после чего проследовали мы с Колей. Погуляв по столовой, холлу, гостиной и спальне и решив, что вполне убедительно их раскритиковал, Коля поднялся на третий этаж. Удостоверившись, что некоторый вид на залив действительно существует, под моим полным мольбы взглядом Коля слегка набавил цену.

После этого мы решили составить договор по-соседски, на доверии: под честное слово и без всяких бумаг.

Коля тут же открыл бумажник, отсчитал нужную сумму и попенял мне за гору немытой посуды. Я сослалась на занятость и отсутствие воды, сообщила о некоторых неполадках с телефоном, вручила ключи и попросила отвезти меня обрат-

но в Питер на Гданьскую. Коля весьма любезно согласился.

По дороге я, зная о скупости Волошиновых, решила воспользоваться случаем и позвонить в Москву с мобильного телефона Коли. Напомнив ему, как дешево сдана дача, я с видом обманутого человека вырвала из его рук трубку и набрала номер Нелли, моля бога, чтобы эта прохиндейка оказалась дома.

Бог услышал мои молитвы.

– Нелли, сейчас же садись в свой «жигуль» и дуй в Питер, – безапелляционно приказала я.

– Зачем? – изумилась Нелли, начисто забыв, что не так давно сама предлагала мне нечто подобное.

– Я за бесценок сдала дачу и намерена покинуть Питер в самые короткие сроки.

– Очень хорошо, – ангельским голосом сообщила Нелли. – Я тебя с нетерпением жду.

– Нет, ты не поняла, – стараясь не слишком выходить из себя, уточнила я, – не ты меня ждешь, а я тебя.

– Почему это?

– Потому что у меня обстоятельства. Сейчас я приеду на Гданьскую, запрусь в квартире дядюшки, и горе тому, кто попытается меня оттуда выкурить до твоего приезда.

– А почему ты не хочешь уехать «Красной стрелой» или, в крайнем случае, улететь самолетом?

– Я на это не пойду, – категорично заявила я. – У меня обстоятельства.

– Какие обстоятельства?

– Жуткие.

Последнее сообщение подействовало на Нелли. После некоторой заминки она спросила:

– Откуда звонишь?

– Из автомобиля соседа, которому я за бесценок сдала дачу, – ответила я, мастерски делая вид, что не замечаю отрицательной реакции Коли. – Он везет меня на Гданьскую, после чего я запрусь в квартире до твоего приезда.

– Хорошо, через три часа выезжаю, – наконец-то сжалась надо мной Нелли. Мне сделалось дурно.

– Как? Целых три часа? Выезжай немедленно! – голосом, полным слез и отчаяния, прокричала я.

– Сонечка, не могу. Я пообещала Саньке купить велосипедик.

Санька (трехлетний сын Нелли) – святое. Я знала, что между моей жизнью и Санькиным велосипедиком Нелли, не задумываясь, выберет велосипедик.

– А к какому времени ты должна купить этот дурацкий велосипедик? – не падая духом спросила я.

– Завтра утром в десять часов няня привезет Саньку с дачи. Он наверняка огорчится, если я не выполню обещания.

– Хорошо, черт с тобой, куплю я ему велосипедик. Куплю, обрати внимание, безвозмездно, то есть в подарок, так что выезжай немедленно, а то к утру не успеем обрадовать ребенка. Ты слышишь? Немедленно, если тебе дорога моя

жизнь.

Нелли, скрывая радость, поклялась, что в таком случае выезжает прямо сейчас, лишь только помоеет посуду, вынесет мусор, почистит ковер и протрет с мебели пыль. Я знала, что никакие угрозы не заставят ее отложить эти срочные дела, а потому смирилась. Тщательно расспросив Нелли о приметах желаемого велосипедика, я пообещала беречь свою жизнь и, сказав «гуд бай», выразительно посмотрела на соседа.

— Где здесь по пути продаются велосипеды? — спросила я, предвидя осложнения.

— Какие велосипеды? — неприятно удивился Коля.

— Трехколесные, желательно красные.

— Без понятия, — сказал он с явным намерением отмахнуться.

Глупый, он не подозревал, какая бывает на свете хватка. Отмахнуться от меня не удавалось еще никому, даже моей бабушке покойной, Анне Адамовне.

— Очень нужно, — сказала я, увлажняя глаза и дрожа голосом.

— У меня встреча, бля, важная.

— Очень, очень нужно.

— У меня очень важная, бля, встреча, — повысил голос Коля, нервно взглянул на часы и прочувствованно добавил:

— Блин!

— Не представляете, как меня обяжете, маленький детский велосипедик, вот такусенький, — показала я, грациозно раз-

водя руки в сторону и щедро выдавая взглядом очень рискованные обещания.

Коля засмотрелся на меня с самым настоящим интересом. Очевидно было, что фантазия его небогата.

— Ну хорошо, — со вздохом сдерживаемой радости согласился он. — Заскочим куда-нибудь по пути.

Покупать велосипед Саньке, рискуя собственной жизнью, мне казалось в порядке вещей. Станным было то, что сосед пошел у меня на поводу со значительным, я бы даже сказала преступным запозданием.

«Раньше он не мешкал бы и секунды. Старею», — грустно подумала я, уносясь мыслями в более благоприятное прошлое, когда мужчины срывались с места по одному моему взгляду и на край света неслись выполнять любые мои желания. Ох, какие это были времена...

Глава 6

Час спустя я в сопровождении соседа и двух его лбов, несущих разобранный по частям велосипед, села в джип, а еще через двадцать минут автомобиль остановился на Гданьской напротив дома моего дядюшки.

Подхватив два свертка под мышки, я настороженно огляделась и, не заметив ничего подозрительного, решительно направилась во двор. Скамейка под сенью древ пуста. Все тихо и мирно, вокруг ни души, что радовало и как-то вдохновляло.

Приостановившись на полпути, я поправила свертки и двинулась дальше, прислушиваясь к цоканью своих каблучков. «Цок, цок, цок, цок», – гулко раздавалось по двору. «Тык, тык, тык, тык», – вдруг послышалось сзади.

Если учесть, что двор был общим для четырех трехэтажных домов, то ничего удивительного в этих чужих шагах не было. Именно так я и подумала в первый момент, но секунду спустя почувствовала оцепенение, а еще через секунду точно знала, что это за мной. Я даже знала кто – ночной гость.

«Что делать? Что?» – заметалась моя мысль по закоулкам извилин.

Пустынность двора уже не казалась благом. Я шла, не меняя ни темпа, ни направления, и старалась не крутить головой. Я прекрасно понимала: до тех пор, пока преступник ду-

мает, что жертва не подозревает о преследовании, он ничего не станет предпринимать, естественно, пока. Пока не доведет меня до подъезда, а там...

«Доведет меня до подъезда и постарается войти со мной, – предположила я. – А дальше что? Что угодно, но только не убийство. Для того, чтобы убить, нет смысла так долго за мной топать. Пиф-паф – и готово. Если с глушителем, то никто и не услышит. Значит, в пустом подъезде будет мне угрожать и чего-то требовать. Возможно, даже принудит сесть в его машину, которую наверняка оставил за углом. Он явно следил за воротами, понимая, что у подъезда долго мозолить глаза нельзя. Пока машина соседа отъезжала, я резко увеличила расстояние между нами. Иначе он попробовал бы договориться со мной прямо там, у ворот. Впрочем, все может быть и не так, как я думаю».

Пока я терзала себя домыслами, дверь подъезда неотвратно приближалась. Я с трепетом слышала, что шаги за спиной ускоряются.

«Господи, ну хоть бы кто-нибудь вышел во двор, ну хотя бы одна живая душа», – внутренне умоляла я, но никто не выходил.

Мне хотелось сорваться с места и бежать, бежать, бежать. Но куда? Бесцельно бегать по двору не слишком-то разумно. В этом случае злоумышленник мог просто остановиться и с интересом взирать на меня до тех пор, пока мне не надоест. Забегать в чужой подъезд не имело смысла, тогда уж луч-

ше в дядюшкин. Выход же со двора всего один.

А если я как-нибудь изловчусь и выскользну со двора, то куда понесусь? Вдруг злоумышленнику только этого и надо, чтобы затолкать меня в свой автомобиль и увезти для страшных пыток? На улице, где меня не знает ни одна собака, насильник может волочить меня прямо за шкуру, объясняя прохожим, что я – его прелюбодейка жена, только что вытащенная из постели любовника (чего, клянусь, не было никогда). В этом случае злодею еще и посочувствуют. Вряд ли у прохожих хватит отзывчивости и сердечности, чтобы броситься проверять степень нашего со злодеем родства. Захотят ли они тратить на меня свое драгоценное время – вопрос риторический.

В общем, я вполне осознавала безнадежность положения и готова была ко всему. Вот только жаль, Санька так и не увидит завтра утром моего подарка: маленького трехколесного велосипедика со всякими новомодными прибабасами: часиками, электронной пипикалкой и черт еще знает чем.

Я уверенно подошла к двери, положила один сверок на пол, не оглядываясь, но, слыша за спиной чужое дыхание, набрала код, подняла сверток и вошла в подъезд. Тут же что-то холодное и тупое уперлось мне в спину и шипящий голос приказал:

– Не двигайся, не делай попыток бежать. Бесполезно. Поняла?

– П-поняла, – с трудом удерживаясь на подкосившихся

ногах, подтвердила я.

– Три шага вперед, – приказал голос. Я послушно исполнила приказание и услышала, как за спиной закрылась входная дверь. Подъезд погрузился во мрак.

– Мне страшно. Чего вам надо? – на всякий случай стараюсь вызвать к себе жалость, промямлила я.

– Будешь сговорчивой, очень быстро узнаешь и останешься жива.

– Буду сговорчивой, – торопливо пообещала я. – Только, пожалуйста, отпустите меня поскорей. Мне надо к утру доставить маленькому мальчику вот этот велосипедик.

Я, как птица крыльями, помахала свертками, крепко обхваченными обеими руками.

– Какой велосипедик, идиотка, – не очень вежливо откликнулся голос. – Хотя возьми, раз он тебе дорог.

Я понимала, что не от доброты душевный преступник проявил уступчивость. Просто ему удобней, когда руки мои заняты.

– Выйдем из подъезда и без глупостей, слышишь?

– Слышу, слышу!

– Пройдем двор и тихо, как рыбка, сядешь в автомобиль за углом, – жестко приказал преступник.

«Автомобиль! Как я была права! Хотя не живи на свете с такой интуицией».

– Я не один. Будешь на мушке. Не хочешь пулю в затылок, советую не дурить, – угрожающе закончил он и для убеди-

тельности еще сильнее ткнул в меня тем твердым и холодным, что держал у моей спины.

Думаю, не ошибусь, предположив, что это пистолет.

– Поняла? – уже мягче осведомился он. Я от души заверила, что совсем не хочу получить пулю в затылок, и, кажется, он мне поверил. С тем же пылом я заверила, что в жизни своей не дурила и не совершала глупостей, к чему, пожалуй, он отнесся с некоторым сомнением.

– Пошли, – скомандовал преступник, довольно терпеливо выслушав меня.

Я повернулась и лицом к лицу оказалась с тем молодым человеком, который так упрямо трудился над моим шпингалетом всю ночь.

«Да, спасу нет от моей интуиции», – снова подумала я.

Должна сказать, что, несмотря на очень плохое освещение, а может, и благодаря ему, на этот раз молодой человек показался значительно старше. Он был уже не так свеж. Черты лица заострились и поглубели. Впрочем, бессонная ночь, так плохо отразившаяся на мне, могла отрицательно сказаться и на нем.

Выразительно скользнув взглядом по моему лицу, злодей демонстративно положил в карман пистолет (я не ошиблась, это был именно пистолет) и, не вынимая из кармана руки, сделал решительный шаг в сторону. Пропуская меня вперед, теперь уже он приставил дуло к моему правому боку.

Было ясно, что именно так он собирается проследовать со

мною через двор, а потом по улице к автомобилю. Спрятанный в его кармане пистолет не увидит никто, и даже встретить я на пути своего дядюшку, вряд ли тот заподозрит, что мне грозит опасность. Кроме удивления и любопытства (с кем же это я чуть ли не в обнимку иду), мой вояж с молодым человеком не вызовет у дядюшки никаких других чувств.

С прискорбием сообразив, что теперь уже меня не может спасти никто, я сделала шаг к выходу... Но чудеса на свете все же случаются. Я сделала шаг к выходу... и в этот момент дверь распахнулась. На пороге выросли амбалы. Их было двое, и своими пуленепробиваемыми лбами они заслуженно могли гордиться. Я мгновенно смекнула, что «малыши» из охраны нашего дорогого банкира явились шерстить подъезд. С диким воплем: «Спасите!» – я тут же рухнула на пол, а злоумышленник перед лицом охраны остался стоять как вкопанный.

Немая сцена длилась секунды. Чтобы ускорить процесс, я решила не ограничиваться криком «спасите», а сделать еще одно важное заявление:

– У него оружие, – без всяких угрызений совести «заложила» я своего похитителя, после чего лбы молниеносно скрутили его и потащили на улицу. Я не стала дожидаться развязки, а с неожиданной для себя прытью преодолела лестничные пролеты и, побив все рекорды, легко справилась с замком дядюшки, что было еще фантастичней, чем столь своевременное появление охраны банкира.

Впрочем, теперь, пребывая в полной безопасности, я до-
садовала. Появление охраны уже не казалось мне своевре-
менным, поскольку на смену панике пришло любопытство.
Оно мучило меня, не давая покоя.

«Как же так, я была в нескольких шагах от разгадки, а эти
лбы пришли и все нарушили. Если они сдадут моего пре-
ступника ментам, то как же узнаю, что ему от меня понадо-
билось? – затосковала я. – И полная неизвестность, чем весь
эпизод закончится».

Надо сказать, что цепь неприятностей, вероятно, повреди-
ла мои мозги, потому что из квартиры дядюшки легко про-
сматривался и двор, и ворота, и улица. Вспомнив об этом, я
выбежала на кухню и жадно припала к окну.

Я увидела, как лбы, осмотрев, конечно, до третьего этажа
подъезд, проследовали обратно к воротам, а у подъезда оста-
лись стоять еще двое, не жиже тех. Бросившись в комнату,
выходящую на Гданьскую, я увидела банкира, покидающего
свой «Мерседес». Он был в сопровождении еще двух лбов,
те же, которые шерстили подъезд, стояли у ворот и крутили
башками во все стороны, в любой момент готовые ко всему.

Это было не так интересно. Как мучительно сложно про-
бирается несчастный банкир в свою собственную квартиру,
я наблюдала (с болью в сердце) не раз и не два.

По-настоящему заинтересовал меня микроавтобус, стоя-
щий за «Мерседесом» банкира.

Точнее, не сам микроавтобус, таскающий за банкиром

охрану, – микроавтобус я тоже знала, как облупленный, – заинтересовали меня события, разворачивающиеся около него. Мой неудавшийся похититель стоял рядом с этим микроавтобусом и абсолютно миролюбиво трепался с тремя охранниками.

Я мучилась от невозможности определить тему беседы, но не удивилась бы, узнав, что они попросту травят анекдоты, – так веселы и безмятежны были их лица.

Это открытие поразило меня. Что же это за общество, где я живу?! Неужели здесь есть управа только на честных людей, а воры и подонки легко находят общий язык и вовсе не собираются друг друга ловить?

Конечно, в данный момент я не могу отнести к ворам и подонкам охрану банкира, но кто знает, может, они, как и сам банкир, еще хуже, потому что пекутся лишь о самих себе, и все, что им не угрожает, лично им – безразлично.

Тем временем телохранители и мой похититель, наговорившись, пожали друг другу руки и разошлись, а я осталась у окна грызть от бессилия свою губу. Теперь уже я не жалела о том, что похититель остался на свободе, напротив, я уверовала в то, что не лишится он своей свободы никогда, чего, при сложившихся обстоятельствах, нельзя сказать обо мне.

Глава 7

До прихода родственников я мучительно размышляла, чего хотел от меня тот наглец. Время от времени телефон звонил, как оглашенный, но по его настойчивости я заподозрила, что это Алиса, и решила трубку не снимать. К приходу Нины Аркадьевны я была как раз в том нервном состоянии, какого она обычно добивалась от меня своими бесконечными соображениями.

– Ты еще жива? – с ходу поинтересовалась Нина Аркадьевна.

– Вам не надоело задавать этот вопрос? – рассердилась я.

– Кому «вам»?

– Абсолютно всем. Складывается впечатление, что мои близкие томятся в нетерпении по поводу моей кончины.

Нина Аркадьевна надулась.

– Не говори глупостей, – буркнула она и мрачнее тучи последовала на кухню.

Я с легким чувством вины устремила за ней.

– Сегодня вечером еду в Москву, – чтобы поднять ее настроение, сообщила я. – Так что, если хочешь передать подарок Клавдии, заранее собери.

Моя кузина Клавдия – старшая дочь Нины Аркадьевны и Вячеслава Анатольевича – в семнадцать лет покинула Ленинград и стала москвичкой. Она единственная из Волоши-

новых искренне дружна со мной. Если мы не видимся больше недели, уже скучаем и звоним друг другу. Нелли тоже любит Клавдию, хоть и ревнует меня к ней.

– Я уже давно приготовила Клавочке посылку, – с видом превосходства ответила Нина Аркадьевна, давая понять, что такая хозяйственная женщина, какой является она, все предусматривает заранее, а не ждет глупых советов от ветреных особ. – Кстати, как дача?

– Сдала, – коротко ответила я, желая избежать подробностей.

– Кому сдала?

– Соседу.

– Как сдала? – спросила Нина Аркадьевна тоном, обещающим долгий допрос.

– Выгодно, – бросила я на бегу, срываясь на звонок в дверь.

Приход дядюшки спас меня от многих неприятностей. Я с огромной признательностью чмокнула его в щеку и тут же сообщила о своем скором отъезде. Дядюшка пожурил меня, что мало погостила, но в целом остался доволен.

Помыв руки, он отправился на кухню, где ему предстояло подвергнуться кулинарным пыткам, в коих Нина Аркадьевна была выдающейся мастерицей. Казалось бы, чего проще приготовить яичницу: разбить несколько яиц в сковородку с кипящим маслом и присыпать их солью. Даже обезьяне такое по силам. Однако Нина Аркадьевна не обезьяна. Она, я

имею в виду Нину Аркадьевну, обладает исключительными способностями испортить даже это простейшее блюдо, что само по себе достойно уважения.

Я, не желая присутствовать при истязаниях дядюшки, отправилась в зал смотреть телевизор и тут же вляпалась в такую грязь, что не приведи господи. Что можно увидеть в это время по телевизору? Опять скандал. Каждому до смерти не терпится спасти народ.

Заскучав, я оставила телевизор и вышла в прихожую. С расческой в руках остановилась у старинного зеркала. Это был мой излюбленный пост. Нигде я не могла получить столь полную о себе информацию, как с этого поста.

– Сколько она содрала за дачу? – самым интеллигентным образом интересовался мой дядюшка.

– Понятия не имею, – не без досады ответствовала тетушка.

– Что же не расспросила?

– Не успела: ты пришел.

Дядюшка пару раз чихнул, высморкался, чего-то громко отхлебнул и продолжил беседу.

– Когда только она уgomонится? Уж пора бы, – с чувством острого переживания сказал он. – Сонька же старше нашей Клавдии?

– На два года, – ответила Нина Аркадьевна. – Но до нашей Клавдии ей расти и расти.

«Что она этим хочет сказать?» – с горячей обидой поду-

мала я.

– Да, Клавдия и умней, и солидней, и кажется старше, – согласился дядюшка. – Но нельзя же до смерти скакать козой, даже если и выглядишь молодо.

– Хочет выглядеть, – ехидно поправила Нина Аркадьевна.

«Нате вам здрасте, – с горечью подумала я. – Единственная племянница в трех шагах от гибели, а они нашли о чем говорить. Неужели нет темы поважней, чем моя внешность? И что им за дело до моего образа жизни? Как хочу, так и скачу».

Окончательно убедившись, что ничего полезного не услышу, я решила прекратить дурацкое обсуждение моих достоинств и недостатков и громким шагом вошла на кухню. Дядюшка и тетушка (словно два неопытных жулика) сразу заговорили о погоде – Спустя несколько секунд они, наконец, «заметили» меня и включили в свою беседу.

– Когда ты намерена выехать? – поинтересовался дядюшка.

– Не знаю, – ответила я, – все зависит от Нелли.

Тетушка нахмурилась, поскольку Нелли она ненавидела еще сильнее, чем «вертихвостку Алису», и на то у нее были веские причины. Дело в том, что мою бедную Нелли угораздило выйти замуж за Антона, племянника Нины Аркадьевны, сына ее покойной алкоголички-сестры. Брак этот был непродолжителен, но плодотворен. Нелли родила ребенка, чего ей до этого не удавалось сделать, а Антон вернулся к

своему пристрастию, унаследованному от его покойной матери.

Нелли до сих пор не может простить мне алкоголика-Антонна, но чем я виновата? Разве знала я, что Нина Аркадьевна долго его лечила, прежде чем довести до того приличного состояния, когда он стал завидным женихом.

Я вообще мало знала Антона и по-настоящему обратила на него внимание лишь тогда, когда Нина Аркадьевна спросила, нет ли у меня на примете какой-либо подходящей невесты. Недолго думая, я вспомнила про свою толстушку Нелли, которая в любой момент была готова для счастливой семейной жизни. Поколебавшись, Нина Аркадьевна решила, что степенная и пышная Нелли вполне достойна ее племянника.

Сыграли свадьбу. Нелли перебралась в предместье Питера – в Лисий нос и стала с Антоном жить-поживать и добра наживать.

Должна сказать, что я с огромной радостью породнилась с подругой, и представьте мое положение, когда через полтора года выяснилось, что Антон – алкоголик. За короткий срок он выпил у Нелли кровушки столько, что она подала на развод, предварительно высказав мне, как нечестно и подло я с ней поступила.

После развода я примчалась в Питер и все высказывания Нелли переадресовала тетушке. Нелли присоединилась. Дядюшка стал на чью-то защиту. В общем, был скандал, после

чего мы с Нелли и грудным Санькой укатали в Москву, а Антон, как любит по такому случаю говаривать мой друг Аким, ушел в запой и не вернулся. Да, Антон ушел в запой и не вернулся. Он стал запретной темой в нашем кругу.

Конечно, после всего случившегося Нина Аркадьевна не приходила в восторг при упоминании имени бывшей невестки. В свою очередь, она никак не могла простить Нелли, что та сбросила с себя Антона, вместо того чтобы, облегчая участь Нины Аркадьевны, нести его на себе всю жизнь.

– Причем здесь Нелли? – сердито спросила тетушка. – Только ее нам не хватало.

– Нелли на своем «жигуленке» повезет меня в Москву, – сообщила я.

– Разве она в Питере? – удивился дядюшка.

– Пока нет, но часам к одиннадцати будет, – заверила его я.

– Что это значит? – строго спросила Нина Аркадьевна. – Она за тобой приедет, что ли?

– Именно, – подтвердила я и, избегая тетушкиных расспросов, потому что страшнее этого ничего не может быть, отправилась смотреть телевизор.

Как я и предполагала, Нелли приехала в одиннадцать. Позвонила с таксофона и сообщила, что ждет меня на Гданьской у ворот. Я наказала ей внимательнейшим образом осмотреть двор и стоять у подъезда как штык.

– Нелька, что же, к нам не зайдет? – настороженно осве-

домилась тетушка.

– Нет, мы очень спешим, – пояснила я, наспех целуя ее и на бегу прощаясь с дядюшкой.

Я прихватила Санькин велосипедик и выскочила из квартиры. Дядюшка увязался за мной. Завидев Нелли, он галантно приложился к ее пухленькой ручке, осыпал комплиментами и вообще был очень мил. Видела бы такое тетушка, уж не знаю, какая болезнь приключилась бы с ней. Слава богу, наш академик бережет ее здоровье и на женщин в ее присутствии смотрит, как Берия на врагов народа.

Поскольку Нины Аркадьевны не было рядом, дядюшка, стараясь быть необыкновенно остроумным, проводил нас до самой машины и даже помахал вслед рукой.

Я погрузила велосипедик в багажник, села за руль, включила зажигание, рывком тронула автомобиль с места и бодро выехала на проспект Энгельса. Нелли сидела рядом и приветливо махала дядюшке рукой, приговаривая: «Ну, старый козел, вот козел...» – Давай, рассказывай, – нетерпеливо попросила она, едва он скрылся из вида, – какие у тебя обстоятельства? Что произошло?

Еще раз я подробно изложила свою жутчайшую историю, начиная со скрипа полов и заканчивая открытием с телефоном и последующей за этим открытием сценой в подъезде.

Нелли лишь охала и ахала, а порой даже вскрикивала, нервно прижимая свои пухлые ручки к груди.

– Так, значит, это проделки Алиски? – подытожила она,

когда я замолчала.

– Выходит – так, – согласилась я.

– Она не знает, что я везу тебя в Москву?

– Боже упаси. Мы как расстались у дверей агентства по недвижимости, так и век бы мне ее, подлую, не видеть вместе с ее злоумышленником.

Нелли задумалась.

– А мне, если быть до конца откровенной, – помолчав, сказала она, – первое, что пришло в голову, что все это провернула Нина Аркадьевна. Ведь только ей выгодно лишить тебя жизни. К тому же она умирать будет, а не простит тебе дачи в Сестрорецке и квартиры на Васильевском. Она же думала, что все эти несметные богатства достанутся семейке Волошиновых.

Я запротестовала.

– Ничего подобного. Не было для этого оснований. Бабуля всегда заявляла, что у нее одна наследница: я.

– И все равно Нина Аркадьевна никогда не теряла надежды. Разве не помнишь, как она обхаживала Анну Адамовну, когда та заболела.

– Когда я была у родственников в Польше?

– Да. Нина Аркадьевна тогда долго пыталась пробудить твою совесть рассказами о том, как радела она о здоровье больной и на какие подвиги шла. Даже, мол, выносила за ней горшки. Да за те деньги, на которые она рассчитывала, можно было нанять сиделку, которая спокойно бы это делала.

До чего же бестактна Нелли. Даже тогда, когда она целиком на моей стороне, не может не жалить. Неужели не ясно, что подобные разговоры о покойных неприличны вообще, не говоря уже о том, что покойная – моя бабушка, причем обожаемая.

– А бабуля поболела-поболела да и выжила, еще и замуж вышла, и любовника завела, – чтобы перевести разговор на более продуктивную тему, напомнила я.

Но Нелли упрямо гнула свою линию.

– А когда выяснилось, что Анна Адамовна не пугала и не шутила, а действительно написала завещание, в котором всем, что останется после нее, повелела владеть своей любимой внучке, твой интеллигентный дядюшка с полгода вопил, на каком основании ты, бесстыжая, приватизировала его мать. Дядюшкины друзья до сих пор пребывают в уверенности, что ты воспользовалась слабоумием старушки и подкупила нотариуса.

– Бог с тобой, – возмутилась я. – О каком слабоумии может идти речь, когда бабушка в свои семьдесят с лишним легко управлялась с двумя любовниками, которые без устали строили ее дачу. Уже сколько лет прошло, как бабули нет, а я не добавила к тому, что построено, ни гвоздя, хотя и очень этого хотела. Тогда уж уместней вести речь о моем слабоумии, – заключила я, чем немало порадовала Нелли.

– О тебе и речи нет. С тобой все ясно, – с удовольствием согласилась она с моими словами. – Речь сейчас о Нине Ар-

кадьевне. Ведь если эта экстремистка до сих пор убеждена, что все мыслимое и немыслимое имущество завещано двоюродному плетню бабушкиного забора, то почему бы и нет?

Я занервничала и поэтому пошла на опасный обгон.

– Что «почему бы и нет»? – спросила я, удачно возвращая автомобиль на свою полосу.

– Почему бы тебя не убрать, – сделала Нелли жест, имитирующий откручивание моей головы. – Убийства происходили и за гораздо меньшие наследства, а тут к бабушкиным квартире и вилле прибавляются и твои несметные богатства, в сравнении с которыми имущество Анны Адамовны кажется сущим пустяком.

– Да, я в своей жизни получала и большие наследства, – поеживаясь, согласилась я. – Бабушкино не так уж и велико и дорого скорее как память.

– Но выходит, что с этим малым наследством ты получила большие неприятности. Теперь Нина Аркадьевна не успокоится, пока не вернет все обратно.

Нелли все же добила своего: я разозлилась не на шутку.

– Что значит обратно? – завопила я. – Бабушка давно на том свете, и мне без нее горе. Столько лет бабуля заменяла мне мать, так неужели я не имею право оставить что-нибудь себе на память, что-то самое для нее дорогое, самое любимое.

– Виллу и квартиру, – ехидно подсказала Нелли.

– Да, виллу и квартиру. Я не виновата, что бабушкина лю-

бовь на них не распространялась. Все сбылось, как желала покойная: владелица виллы и квартиры я – ее любимая сирота. И потом, она же не делала из этого секрета при жизни. Всегда хотела этого, всем об этом говорила, и нет ничего удивительного, что об этом же написала в завещании. О, господи, как мне противна вся эта возня вокруг наследства.

– Еще бы, ведь наследница-то ты, – язвительно напомнила Нелли.

Она совсем заморочила мне голову. Во-первых, я никогда не поверю в то, что Нина Аркадьевна способна на убийство, а во-вторых, речь-то шла об Алисе. Я повторила Нелли все свои аргументы, начиная с якобы забытого Алисой телефона и заканчивая мобильником преступника. Я даже провела между ними прямую связь и поставила ряд вопросов, но Нелли оставалась непреклонна. Она прочно стояла на своем.

– А я уверена, что это проделки Нины Аркадьевны. Она нарочно впутала в эту историю Алису, чтобы бросить на нее тень. Зачем она разбудила нашу дурочку ночью и послала ее к тебе?

Вот это-то как раз меня не удивляло. Зная лень Нины Аркадьевны, можно сказать, что все правдоподобно. И как только Нелли в голову пришло просить у нее помощи? Следовало сразу обращаться прямо к Алисе, впрочем, Нелли из ревности не сделала бы этого никогда. Ей проще приехать в Питер самой. Она всегда безумно ревновала меня к Алисе, хотя сама подражала ей во всем, доходя до смешного. Нелли

даже психологом захотела стать после того, как психологией заинтересовалась Алиса. Зачем это Алисе – ясно. Чтобы искусней морочить голову своему Герману, а вот зачем эта бесполезная (с точки зрения здорового человека) специальность Нелли – совершенно непонятно.

Поскольку Нелли и шага не ступит, чтобы не обругать Алису, удивительно, что она заступает за нее. Нет ли здесь подвоха? Может, Нелли, убедившись в предательстве Алисы, решила поиграть в благородство? По типу я идеалистка и с моей неистребимой верой в людей допустить не могла такого предательства: мол, как можно, чтобы лучшая подруга замышляла убийство, и т. д. и т. п.

Нелли иногда любила повалять дурака, и прикинуться идеалисткой для нее ничего не стоило, поэтому я не поверила ей ни на грош. К тому же ее нелюбовь к Нине Аркадьевне порой принимает самые уродливые формы, а тут такой удачный момент столкнуть нас лбами и... ничего.

– Я и без того терпеть не могу тетушку, – заверила я. – Не понимаю, зачем тебе нужно возводить на нее напраслину, когда с Алисой все так очевидно.

– Что очевидно? Ничего не очевидно, – не согласилась Нелли.

– А по-моему, очевидно. Посуди сама: Алиса отправляет ко мне своего знакомого на черном «Мерседесе», которого она пыталась скрыть от тетушки, а сама спокойно сидит дома. Когда тетушка будит ее, она, сознавая безвыходность,

едет в Сестрорецк. Она понимает, что может помешать убийце, поэтому тянет до последнего, и уже чуть ли не у самых ворот, узнав, что я еще жива, дает убийце отбой, а потому не хочет признаваться в том, что у нее с собой телефон. К тому же Алиса многократно бывала у меня на даче и знает там каждый закоулок. Даже если она не слишком помнила координаты шпингалета на двери в сад, то, имея ключи, легко могла произвести необходимые замеры в любое удобное для себя время. Так что все сходится на Алисе.

Нелли едва не задохнулась от протеста.

– Только вдумайся, какие глупости ты городишь! – завопила она. – Одну глупость на другую нанизываешь. Да, имея ключи, зачем делать какие-то дурацкие замеры? Не проще ли просто отдать ключи преступнику? Грохнув тебя, он легко имитирует и просверленный шпингалет, и разбитое окно. Труп же не скажет, каким образом проник в дом убийца.

Не стану говорить о тех ощущениях, какие появляются у меня от столь частых упоминаний о моем трупе, скажу о другом. Доля истины в словах Нелли присутствовала, и я с радостью хотела бы поверить в непричастность Алисы. Тем более скорее всего что у нее не было очевидного мотива, а у тетушки был. В случае моей смерти все мое имущество переходит к дядюшке, моему прямому наследнику.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.